

АНДРЕЙ ВОРОНИН

КРОВАВАЯ ЛИНИЯ

МУ-МУ

Му-Му

Андрей Воронин

Му-му. Кровавая линия

«ХАРВЕСТ»

2010

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Му-му. Кровавая линия / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2010 — (Му-Му)

ISBN 978-985-16-8267-2

В секретной лаборатории в одной из «горячих точек» проводятся смертельно опасные биологические эксперименты, которые страшным эхом отзовутся на мирных жителях Москвы. Внештатный агент ГРУ Сергей Дорогин поможет отыскать не только московский след заговора, но и с помощью ученых предотвратить теракт с использованием биологического оружия.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-8267-2

© Воронин А. Н., 2010
© ХАРВЕСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Воронин, Максим Гарин

Муму. Кровавая линия

© Харвест, 2010

Глава 1

Жизнь научила Сергея Дорогина тому, что бдительность никогда не бывает излишней. Всего лишь неделю назад на его глазах рванула мина в одном из банков. Сам он там оказался по чистой случайности – зашел обменять на рубли доллары. И до сих пор не мог себе простить, что не обратил внимания на якобы забытую у одного из окошек дамскую сумочку, где и находилось взрывное устройство. Сила взрыва оказалась незначительной, да и людей в зале было немного. Однако Дорогин едва успел оттащить в сторону от падающей перегородки израненную осколками стекла молоденькую кассиршу. Тем же вечером в теленовостях сообщили, что следствие разрабатывает несколько версий, при этом не исключалась и возможность чеченского теракта.

Вообще осень – та благодатная пора, когда москвичи возвращаются из отпусков, начинается учеба в школах и вузах, когда полно людей в магазинах и на рынках, а главное, в транспорте, который еще только перестраивается с летнего на осенне-зимний режим, – представляет собой едва ли не идеальное время для терактов. И, учитывая последние события, всем не помешает вести себя осторожнее. А ему, Сергею Дорогину, человеку, как любит шутить один его знакомый, с остросюжетным прошлым, приходится удваивать бдительность. Ведь, что греха таить, за годы ответственной, но крайне опасной работы он успел нажить себе предостаточно врагов, которые не прочь от него избавиться и как от опасного противника, и как от ненужного свидетеля.

И этой расслабляюще-уютной, еще по-летнему теплой сентябрьской ночью, после воскресной поездки за город с шашлыками под отличное грузинское вино и песнями под гитару, когда мечталось лишь об одном – как следует выспаться, Сергей Дорогин держал ухо востро. Открыв двери в свой полутемный, опять без лампочки, подъезд, при свете уличного фонаря он тут же заметил стоящий на полу у почтовых ящиков рюкзак. В подъезде царил тишина. В два часа ночи обзванивать квартиры или кричать: «Кто забыл рюкзак?!» – было, по меньшей мере, глупо. Дорогин на всякий случай прислушался и, не уловив никаких посторонних шумов или шорохов, вынес рюкзак на улицу.

И уже там, на лавочке, при свете фонаря осмотрел, а потом привычными, выверенными движениями ощупал случайную, а возможно, и не случайную свою находку. Это был синего цвета студенческий рюкзачок с черной шнуровкой и двумя яркими значками. На одном под улыбающейся рожицей с хвостиками было написано «Настя». Сторонний наблюдатель, возможно, иронически усмехнулся бы, глядя на то, как осторожно обращается Дорогин с рюкзачком, похожим на те, с какими не только в Москве, но и повсюду в мире ходят миллионы студентов и школьников. Но Дорогин, которого лишь несколько человек в высших эшелонах власти знали как уникального агента Муму, на собственном опыте убедился, что опасность, как правило, подстерегает там, где ее не ждешь. Поэтому каким бы безобидным ни выглядел забытый в его подъезде рюкзачок, он ощупывал и открывал один за другим его замочки с повышенной осторожностью. Тем более что, кроме книг и тетрадей, в нем нащупывалось нечто похожее на небольшую цилиндрическую емкость. Ее он первой и извлек.

Емкость оказалась пол-литровой стеклянной банкой с плотной полиэтиленовой крышкой, в которой были проделаны дырочки. Облегченно вздохнув, Дорогин приподнял банку, пригляделся и при свете фонаря увидел, что в банке среди насыпанной туда травы ползает довольно большой крылатый муравей. Дорогин покачал головой и, поставив банку на скамейку, принялся вынимать из рюкзака и пролистывать тетради и учебники. Он надеялся найти хоть какую-то надпись. Пусть не адрес, так хоть телефон, в конце концов, фамилию, название вуза, гимназии, школы. Хотя бы что-нибудь... Тетради были исписаны в основном химическими формулами. И писал эти формулы, судя по довольно размашистому почерку, парень, а не девушка. Учебники, один на русском – «Анатомия», другой на английском – «Микробио-

логия», свидетельствовали о том, что рюкзачок принадлежит студенту биологу или медику. Аккуратно осмотрев все до одного, даже самые маленькие кармашки, Дорогин нашел лишь несколько ручек, сломанный карандаш, ключи без брелока, то есть не нашел ничего, что хоть как-то подсказало бы, где искать владельца. Тетради были не подписаны, на книгах библиотечных печатей не стояло. В общем, чтобы найти владельца, придется писать объявление и расклеивать на дверях подъезда и ближайших остановках. Ведь если оставить рюкзачок в подъезде, он попросту пропадет – утром уборщица или бомжи, которые сюда нередко заходят, все равно заберут его.

А что, если этот рюкзачок забыл не просто студент, а рассеянный юный гений, а в этой банке не просто насекомое, а представитель редчайшей, неизвестной еще науке породы?.. Дорогин сложил в рюкзак тетради и книги и, взяв в руки банку, еще раз внимательно посмотрел на муравья. Под светом фонаря тот оживился и, помогая себе крыльями, резво перебрался с травинки на травинку. Рассматривая насекомое, Дорогин вспомнил выуженные им недавно из Интернета сведения о том, что американцы научились использовать жуков, тараканов и даже мух в качестве управляемых киберразведчиков, и усмехнулся. Скоро эти парни и до муравьев доберутся. Хотя этого муравьишку посадили в банку явно для каких-то других целей.

Засмотревшись, Дорогин не сразу заметил, как открылись двери подъезда, но, когда они хлопнули, он спрятал банку в рюкзачок.

– О, слава богу! Это вы его взяли! А я уж перепугался... – радостно и слишком уж звонко для двух часов ночи воскликнул долговязый длинноносый парень в очках и вытянутом почти до украшенных модными потрепанными надрезами джинсовых колен сером свитере.

– Твой, что ли? – спросил Дорогин и тут же добавил: – А че ты его в подъезде бросил-то?

– Че-че... целоваться неудобно было, – сказал парень и, чуть покраснев, усмехнулся.

И тут сверху раздался звонкий девичий голос:

– Ну че, Степа, нашел?

На балконе третьего этажа стояла растрепанная светловолосая девушка, похоже, в одной ночной сорочке.

– Нашел, Настена! Все в порядке! – крикнул парень.

– Ну, тогда пока! Завтра позвоню! – все так же звонко отозвалась девушка.

– Вы бы хоть кричали потише, что ли... – покачал головой Дорогин, заметив, что в доме зажглось несколько окон.

– Ладно, давайте рюкзак, я пошел, а то сейчас ее мать с ночной смены вернется, – сказал Степан.

– Ну, пошел так пошел, – пожал плечами Дорогин.

– А вы че в моем рюкзаке искали? – поинтересовался Степан, закидывая рюкзак за плечи.

– Мину, – серьезно ответил Дорогин.

– Ну, оч-чень смешно! – усмехнулся Степан.

– И все-таки я бы тебе посоветовал не бросать свои вещи где попало, – сказал Дорогин.

– Я обязательно прислушаюсь к вашему совету, – ухмыльнулся Степан, радуясь благополучному исходу своего ночного приключения.

Дорогина подмывало спросить, что за насекомое парень возит с собой на свидания, но это предполагало продолжение разговора, на который молодой человек явно не был настроен. Да и сам Дорогин теперь, после разрядки весьма напряженной ситуации, вдруг почувствовал, что сон буквально валит его с ног. Студент руки не подал и, поправив рюкзачок, лишь гордо кивнул на прощание.

Дорогин поднялся на четвертый этаж, открыл двери и, даже не включая в коридоре света, прошел в комнату, расстелил постель, разделся и нырнул под одеяло. Завтра, то есть уже сегодня, был тот редкий день, когда можно наконец отоспаться за все долгие дни и ночи напряженной, рискованной работы. Да, кому-то судьба подарила возможность работать в теп-

лом уютном кабинете, за компьютером, кто-то по утрам спешит в современно обставленный офис или студенческую аудиторию. А ему, ничего не поделаешь, то и дело приходится рисковать не только здоровьем, но и жизнью. Но ведь без его пусть и не всем заметной работы сколько бизнесменов не дошли бы до своих офисов, сколько чиновников и людей при погонах оказались бы не у дел... но чаще ему приходилось спасать простых людей, тех, кто ни сном ни духом не чувствовал подстерегающей опасности. Муму знал, что главное его достоинство в том, что он, в отличие от многих, не боится рисковать. И судьба, как ни странно, до сих пор не дает ему пинка под зад. Значит, полагал Дорогин, готовит для него новые и новые испытания, из которых он должен, иначе быть не может, обязательно должен выйти победителем.

Наверняка современные психологи назвали бы эти мысли, с которыми он засыпал и просыпался, отличным, высокопрофессионально организованным аутотренингом, помогающим справиться со страхами, поддерживающим решительность и укрепляющим силу воли. Но сам Сергей Дорогин, пережив не одну трагедию, знал, что, настраивая себя на преодоление трудностей, на выполнение рискованных заданий, он просто гонит подальше от себя мысли и воспоминания, которые ранят душу острее скальпеля. Он приучил себя спать не только без кошмаров, но и без сновидений, давая организму возможность восстановиться за минимальное время. Единственное, что он делал, когда выпадала редкая возможность отоспаться, – это отключал телефон и мобильник.

Но в этот раз отключить мобильник он забыл. И уже в восемь утра вынужден был все еще сослепу нащарить трубку. Звонил его давний друг – майор ГРУ Алексей Плетнев. Не ответить ему Дорогин не мог: слишком много их связывало. Да и Плетнев просто так, да еще в такую рань, его не побеспокоил бы. Когда-то в молодости они были очень близки. Не раз выбирались из таких кровавых передряг, которые прочим людям и не снились. Но Плетнев, переехав в Москву, женился и в своей новой, как принято говорить, «штабной» жизни пытался забыть о том жестоком и страшном, что пришлось когда-то пережить. Недавно, как слышал Дорогин, у него родилась двойня. Но Сергей понимал, что всякая их встреча с Плетневым, хотя бы они того или нет, будет возвращать их к болезненным воспоминаниям о прошлом. Ведь только он, Дорогин, точно знает, как появился на лице Алексея шрам. И сколько бы ни говорили о том, что шрамы украшают мужчину, только тот, кто побывал в таких, как они с Плетневым, передрягах, знает действительную цену страшных отметин на лице. Прекрасно понимая, что есть в их прошлом вещи, о которых и в самом деле лучше забыть, Дорогин сам Плетневу не звонил и в гости не набивался.

И вот теперь вдруг этот ранний звонок, да еще на мобильный, номер которого знали немногие.

– Я не хотел тебя будить... – пробормотал Алексей Плетнев.

– Уже разбудил, – ответил Дорогин, стараясь быть поприветливей.

– Ну, извини, старик, у меня времени всего ничего – час, не больше.

– То есть? – насторожился Дорогин, почувствовав сквозящее в голосе Плетнева напряжение.

– Еду в командировку, – сухо объяснил Плетнев и деловито добавил: – Пацанов с женой отправил к родственникам, им здесь оставаться небезопасно. А сам – туда, где мы с тобой пудом соли давились...

– Ты же собирался... – начал было Дорогин.

Но Плетнев его оборвал:

– Это теперь не имеет значения. Хочу попросить тебя, чтобы ты присмотрел за моей квартирой. Ключи, если разминемся, оставлю под ковриком.

– Хорошо. Я все понял. Но чего тебя туда понесло? Там что, своих спецов не хватает? – удивился Дорогин, понимая, что Плетнев едет не куда-нибудь, а в самое горячее, можно сказать, гиблое для всякого русского на сегодня в Закавказье место.

- Да, похоже, кому-то в Москве выгодно дестабилизировать обстановку.
- Где? Там? – уточнил Дорогин.
- В том-то все и дело, что и там и здесь. Я нащупал след. И никому не могу доверять...

Разве что тебе.

- Ты же знаешь, если что, ты всегда можешь на меня положиться, – сказал Дорогин.
- Видишь ли, они там, судя по всему, разводят ежеиков... – произнес Плетнев.

Эта фраза была понятна только им двоим. «Разводить ежеиков» – значит готовить биологическое оружие. Об этом не хотелось вспоминать, но много лет назад, когда они с Плетневым отправлялись под видом наемников в один из горных лагерей чеченских «борцов за свободу», в какую-то горячую голову при погонах пришла бредовая мысль дать им с собой контейнер с зараженными смертельной заразой ежеиками. Об этом они узнали, когда их привезли в закрытую лабораторию, где за толстым пуленепробиваемым стеклом действительно копошились ежеики.

– Ежик чихнет – и зараза пойдет гулять, не остановишь... – с гордостью говорил майор в белом халате. – Вакцина против этой ежеиковой чумы уже проходит последнюю проверку. Мирному населению можно будет сделать прививки...

Страшно подумать, что могло бы быть, если бы некая рука сверху не остановила того бравого майора.

Лагерь боевиков был уничтожен тогда без участия ежеиков. Но то, что подобные лаборатории, где разрабатывается биологическое оружие, существуют, до сих пор приводило Дорогина в ужас. Ведь не нужно быть биологом, чтобы понимать, что вирус, выпущенный на волю, это уже не тот вирус, который был в пробирке. Он тут же начинает мутировать, приспосабливаться, и бороться с ним крайне сложно. Неужели боевики решили использовать это коварное оружие, которое готовили против них? Но Плетнев сказал, что нащупал след и там и здесь... Это значит, что в Москве появились силы, заинтересованные в дестабилизации обстановки. Дорогину не по себе делалось от таких мыслей. Но особо раздумывать времени не было. Он натянул свой кожаный байкерский «скафандр», взял шлем и бандану. У Плетнева много знакомых байкеров. И даже если он находится, как говорится, под колпаком (ведь не зря же он решил вывезти из города свою семью), Дорогин был уверен, что сможет, забрав ключ и попетляв по городу, сбить с толку тех, кто поспешит сесть ему на хвост.

Глава 2

Байк, надежная, проверенная машина, ожидал Дорогина в дальнем углу дворовой стоянки, под фонарем. Сняв мотоцикл с сигнализации, Сергей ласково похлопал его, будто это был не железный, а самый настоящий, живой конь.

В утреннее время самым трудным было выехать со двора. Люди спешили на работу, отвозили детей в школу. А сбоку еще стояли припаркованные, часто неровно, прямо на въезде во двор и на дороге авто. Но мотоцикл – не машина, изворотливости железному скакуну не занимать. И уже через несколько минут Дорогин, выскочив на проспект, принялся лихо петлять между намертво застрявшими в пробках машинами.

Розовато-серый утренний туман на глазах рассеивался, затягивая влажной пленкой еще не успевший после лета остыть асфальт. И хотя ночью было уже по-осеннему прохладно, день обещал быть мягким, теплым, грибным. И Дорогин, вспомнив, как приятно провели они с друзьями вчерашний вечер, решил, что он может позволить себе сделать еще один внеплановый выходной. Почему бы ему, забрав у Плетнева ключи, не махнуть сразу за грибами. Вчера у костра только и разговоров было, кто сколько засолил грибов. А ведь у него, Дорогина, в Подмоскovie тоже были свои грибные места. Только вот выбраться за грибами такой порой уже несколько лет не получалось. Но теперь-то как будто не было ничего срочного. Так что вполне можно было хотя бы не пару часов вырваться на природу. Солить не солить, а на поджарку собрать можно. Главное же, если поехать сразу за город, легче будет избавиться от «хвоста».

Плетнев жил почти в центре города, в добротной «сталинке», которую давно заселили новые хозяева жизни. Квартира эта досталась жене Плетнева от родителей. Дорогин был у них всего один раз. И сидевший на входе за стеклянной перегородкой консьерж, конечно же, пока Дорогин не перезвонил Плетневу, пропускать его наотрез отказался.

– Не положено. Без разрешения хозяев не положено, – резко поднявшись, заявил седой дедок с явно военной выправкой.

Плетнев ответил не сразу. Но, услышав голос Дорогина, страшно обрадовался:

– Как хорошо, что ты уже там! Я про этого нашего монстра-привратника совсем забыл. Дай ему трубку, я попрошу, и он тебя впустит.

– Ну, попробуй, – пожал плечами Дорогин и спросил: – А сам-то ты где?

– Я уже в дороге. Так что ключ под ковриком. Проверь, все ли там в порядке. А хочешь – поживи.

– Ладно, счастливо тебе, – сказал Дорогин и протянул трубку консьержу.

Тот, взяв трубку, почему-то вытянулся, став едва ли не по стойке «смирно», и, покраснев, выдохнул:

– Понял. Есть.

Он отдал телефон Дорогину. Но Плетнев уже отключился.

– Проходите, – кивнул консьерж Дорогину. – Меня товарищ Плетнев попросил не проверять у вас документы. Так что проходите. Я вас запомню. У меня память хорошая. И напарнику ваши приметы передам. Вы же будете сюда еще наведываться? Или даже жить?

– Не знаю. Этого я пока что вам не скажу... – ответил Дорогин, не стягивая шлема.

Поднявшись на лифте на пятый этаж, Дорогин окинул площадку оценивающим взглядом. И, не заметив ничего подозрительного, направился к квартире Плетнева. Ключ, точнее, три ключа – от верхнего, нижнего замков и, очевидно, почтового ящика – лежали под резиновым ковриком. Но, когда Дорогин вставил ключ в замочную скважину, оказалось, что двери не заперты. И первое, что поразило Дорогина, как только он переступил порог квартиры Плетнева, – это разбросанные в прихожей бумаги. Плетнев всегда был аккуратистом. И представить

себе, что, уезжая, пусть даже в спешке, он оставил такой бардак, было невозможно. Дорогин осторожно заглянул в комнату и тут же получил чем-то тяжелым по голове.

Хорошо еще, что мотоциклетный шлем самортизировал удар. Дорогин лишь пошатнулся, тут же выпрямился и бросился вдогонку выскочившему из квартиры незнакомцу. Однако тот уже успел вскочить в лифт. И хотя Дорогин стремглав сбежал вниз по лестнице, выскользнувшего из квартиры человека он так и не догнал.

Дорогин выскочил на улицу, но ничего подозрительного там не увидел. Никто не убежал, машины от подъезда не отъезжали. А преследовать, искать в центре Москвы не знаю кого и не знаю чего было еще менее перспективно, чем иголку в стогу сена.

– Ты чего это?! Как ошпаренный бегаешь, да еще в шлеме?! – вдруг услышал Дорогин и почувствовал, как твердая, тяжелая мужская ладонь легла ему на плечо.

Это консьерж выскочил за ним следом.

– Ты чего?! – повторил он еще более сурово и добавил: – Может, у тебя с головой не все в порядке?

– Подождите, сейчас из лифта никто не выходил? – спросил Дорогин, все еще озираясь и надеясь заметить убежавшего от него человека.

– Никто не выходил, – пожал плечами консьерж. – Да и лифт не приезжал.

– Как «не приезжал»?! – удивился Дорогин, – Так куда же он делся?..

Но не успел он произнести последнюю фразу, как до него дошло, что выбежавший из квартиры Плетнева человек, стараясь уйти от преследования, поехал не вниз, а наверх. И, значит, ему следует сейчас бежать на последний этаж. Если он еще успеет.

– А собственно, кто должен был выйти? – спросил консьерж.

– Человек, – направляясь назад к подъезду, пожал плечами Дорогин и добавил: – В квартире Плетнева кто-то был.

– Не может быть! – оскорбленно воскликнул консьерж. – В подъезд никто не входил. Да мимо меня муха не пролетит. И не выходил. Я гарантирую! Может, хотя такое маловероятно, это был кто-то из жильцов?

Вернувшись вместе с консьержем в подъезд, Дорогин подбежал к лифту, который как раз приехал на первый этаж. Но когда двери открылись, оказалось, что лифт пуст.

– Я наверх, а вы смотрите за лестницей и никого не выпускайте! – крикнул Дорогин.

На что консьерж, похоже привыкший четко выполнять команды, громко ответил:

– Есть!

Нажав на кнопку последнего этажа, Дорогин пожалел, что в этом старом сталинском доме, очевидно по просьбе скупивших квартиры новорусских жильцов, установили новый скоростной лифт с дверями без окошек и, хотя шахта осталась старой, затянутой металлической сеткой, рассмотреть, что делается на лестнице, не было возможности. Зато на последний этаж Дорогин добрался меньше чем за минуту. Но, увы, похоже, опоздал. С последней площадки еще один лестничный пролет вел к приоткрытой железной двери, за которой виднелся лаз на чердак и крышу.

Дорогин на всякий случай исследовал пыльный, заваленный какими-то коробками чердак и, спускаясь вниз, лестницу и все лестничные площадки. Но еще на чердаке он понял, что напавший на него в квартире Плетнева человек, скорее всего, через чердак пробрался в соседний подъезд. А там уже, спустившись на лифте, как ни в чем не бывало вышел из подъезда. И можно не сомневаться, консьерж в соседнем подъезде вряд ли обратил на него внимание.

Зато консьерж из подъезда Плетнева как Дорогин оставил его, так и стоял у своей конторки, вытянувшись по стойке «смирно».

– Никто не проходил! – доложил он и, едва сдерживая волнение, спросил: – Ну что там? Пусто?

– У вас что, через чердак в соседний подъезд добраться можно? – вопросом на вопрос ответил Дорогин.

– Никак нет! – покраснев, доложил консьерж, – Двери на чердак закрыты. Я сегодня, принимая дежурство, лично проверил!

– Да, но сейчас они открыты, и, похоже, тот, кто проник в квартиру Плетнева, убежал через чердак, – сказал Дорогин.

– Вот паршивцы! Это мальчишки из двадцатой квартиры, – наливаясь краской, поспешил объяснить консьерж. – Они из старых! Родители спиваются, а эти на чердаке себе бордель устроили!

– А почему вы говорите «из старых»? – спросил Дорогин.

– Ну, так квартиру их дед-генерал получил. А дочка его баловная получилась. И мужа себе под стать взяла... Вот и детки ихние не пришей пуговицу к пальто...

– А Плетневы – из старых или из новых? – спросил Дорогин, думая о своем.

– Плетневы и из старых и из новых. Плетнев же тоже не последний чин сегодня...

– Это точно! – кивнул Дорогин, решив все же зайти в соседний подъезд и поинтересоваться, не выходил ли недавно кто подозрительный.

– Ну, так вы все же закройте чердак. И за квартирой Плетнева присматривайте, – попросил Дорогин.

– Есть! – опять вытянулся во фрунт консьерж.

Дорогин зашел в соседний подъезд. Там дежурила милая старушка консьержка, которая, не отрываясь от вязания, заверила Дорогина, что никто чужой в подъезд не заходил и из подъезда не выходил. А потом, поправив очки, добавила:

– Я здесь всех знаю. Я сама здесь с самого детства живу.

Дорогин, кивнув, попрощался и, выйдя на улицу, понял, что сейчас главным для него будет не уйти от преследования и тем более не поехать в лес за грибами, а поскорее перебраться жить к Плетневу. И сделать это нужно будет без ведома плетневского консьержа. Поэтому он, оседлав своего верного железного вороного, сгонял домой, собрал свой всегдашний командировочный рюкзачок, где, кроме мыла, щетки, полотенца, теплого свитера и сменного белья с носками, лежали фонарик и кое-какая специфическая аппаратура, в том числе несколько современных, легко устанавливаемых «жучков».

В этот раз, подъехав к плетневской «сталинке», он снял и сложил в пакет не только шлем, перчатки и бандану, но и куртку. Осмотревшись, Дорогин взял стоящее у мусорных баков, очевидно, забытое или выброшенное строителями ведро, впихнул туда рюкзак и направился к соседнему с плетневским подъезду.

– Куда? – неожиданно оторвавшись от вязания, спросила бабушка-консьержка.

– В пятую, просили передать, – как ни в чем не бывало сказал Дорогин, направляясь к лифту.

Спокойный, уверенный тон, похоже, подействовал на бабушку-консьержку гипнотически. Во всяком случае, она лишь кивнула в ответ.

Дорогин беспрепятственно добрался до верхнего этажа, поднялся на чердак. Он был уверен, что еще не успели закрыть или заколотить двери на чердак, в чем тут же и убедился.

Спустившись по лестнице к квартире Плетнева, Дорогин обнаружил, что она опять не заперта, хотя, уходя, он это точно помнил, он щелкнул одним из замков.

Приоткрыв дверь, он, внимательно прислушиваясь и приглядываясь, прошел в зал и, оставив ведро с рюкзаком у дивана, пошел осматривать квартиру. В квартире было пусто. Заметив, что дверь на балкон открыта, Дорогин, внимательно изучив иные возможные пути ухода, предположил, что человек, так настойчиво проникающий в квартиру Плетнева, в этот раз ушел через балкон. В целях пожарной безопасности недавно пробили в полах балконов лазы и установили пожарную лестницу, ведущую вниз.

Закрыв балконную дверь, Дорогин попытался разобраться в обстановке.

Разбросанные по квартире бумаги и книги свидетельствовали о том, что преступник или преступники что-то настойчиво искали. Глупо предполагать, что их интересовали деньги или какие-то документы (Плетнев, будучи профессионалом, никогда не хранил дома важных бумаг!). Поднимая с пола и складывая в шкаф вещи, Дорогин подумал о том, что преступники вполне могли оставить в квартире видеокамеры или прослушку. И действительно, в одном из цветочных горшков он обнаружил минимикрофон, который тут же отключил. Больше ничего подозрительного Дорогин не нашел. И уже собирался отключить квартирный телефон, но тот вдруг зазвонил.

Дорогин поднял трубку и прислушался.

– Ты, плетневский услужник! Если не скажешь, куда дел жену и детей хозяина, секир башка будет! – рявкнул мужской голос с кавказским акцентом.

Дорогин, так и не отозвавшись, на всякий случай не стал нажимать на рычаг, а, воспользовавшись мобильным, перезвонил на телефонную станцию. Как и следовало предполагать, там номер определить не сумели.

Но зато теперь он знал, что те, кто рыскал в квартире, хотели узнать, где находятся жена и дети Плетнева. Похоже, Плетнев спрятал их более чем надежно. Ведь даже ему, Дорогину, он не намекнул на то, где именно они будут находиться. Хотя, возможно, Плетнев не думал, что его семью начнут преследовать так скоро.

Одно успокаивало: раз уж преследователи так настойчиво выспрашивают о местонахождении семьи, значит, не успели проследить за ними. И пока что, можно надеяться, и жена и дети Плетнева для бандитов недостижимы.

Дорогин подумал и решил все же не отключать телефон.

Среди разбросанных по полу, а теперь поднятых им фотографий была одна особенно ему дорогая. Там они с Плетневым были сфотографированы на фоне Кавказских гор, как раз во время той памятной командировки, когда им едва не всучили заразных ежей.

Дорогин взял фотографию в руки и задумался.

Ему приходилось сталкиваться с разным оружием. Он научился мастерски выбивать из рук противника нож, уклоняться от пуль и рассчитанных до миллиметра смертельных ударов. Даже яд в воздухе, питье или пище можно нейтрализовать с помощью правильно подобранных и вовремя принятых адсорбентов. Самым же непредсказуемым и опасным для человека было, есть и будет биологическое оружие. Именно поэтому и ныне ведутся разработки новых его видов, несмотря на строгий запрет, хоть и под грифом строжайшей секретности. И если, как намекнул Плетнев, где-то на Кавказе пытаются его применить, эти разработки находятся в ведении кого-то из высших эшелонов власти. ГРУ и ФСБ не могут выпустить такие опасные вещи из-под контроля. Они не пресекают их, значит, это кому-то выгодно.

Дорогин присмотрелся к фотографии. Плетнев, в отличие от него, Дорогина, темноволосого и темноглазого, имеет очень выгодную, неяркую, славянскую, скорее прибалтийскую, внешность. Все благодаря его матери, литовке. Он практически неузнаваем. Таких, как Плетнев, высоких, худощавых блондинов с прозрачными голубыми глазами, в Прибалтике, да и в России, тысячи, а то и миллионы.

Тогда, на Кавказе, Плетнев тоже косил под прибалта. Благо из того лагеря боевиков, куда их тогда заслали и куда им предлагали завезти зараженных ежей, никого в живых не осталось. Иначе бы месть их была страшна. Хотя, кто знает, ведь кто-то из местных мог их заприиметить и задуматься, почему, когда отряд нарвался в ущелье на засаду и был встречен ураганным огнем с земли и воздуха, двум наемникам удалось уйти. А были этими наемниками он, Дорогин, и косивший под прибалта Плетнев. Тогда, вполне возможно, этот сегодняшний звонок был связан с местью.

Занявшись уборкой, Дорогин и не заметил, как начало смеркаться. Прежде чем зажечь свет, он решил задернуть штору. Но стоило ему подойти к окну, как в балконную дверь постучали. Дорогин прижался к стене. Приглядевшись, он понял, что на балкон по пожарной лестнице вновь кто-то поднялся. Черноволосый усатый парень в кожаной куртке еще раз постучал в балконные двери, и Плетнев, хоть и понимал, что за парнем в квартиру может вскочить целая свора его сотоварищей, все же осторожно приоткрыл и, впустив незнакомца, тут же захлопнул двери.

Парень усмехнулся и, приподняв руки, покрутил ими в воздухе. Мол, я безоружен.

– Ты один? – спросил Дорогин.

– Да один, один я... – кивнул тот и добавил: – Меня сюда послали, чтобы предупредить об опасности.

– А что ты здесь искал? – спросил Дорогин.

– Я? Искал? – удивился парень.

– А разве это не ты здесь хозяйничал и дал мне по голове? – спросил Дорогин.

– Нет конечно. Я только что прилетел. Мы с вашим товарищем давние знакомые. В общем, узнав, что я лечу в Москву, он сказал, что у него в квартире будет жить... кажется, Сергей...

– Допустим, – кивнул Дорогин.

– И что вы, если вы действительно Сергей, должны помочь мне переправить в надежное место его семью. Вы же знаете, где сейчас находится его семья?

– Нет, – покачал головой Дорогин, – не знаю.

Парень говорил настолько спокойно и уверенно, что ему трудно было не поверить.

– Знаешь, гад! – вдруг воскликнул парень, выхватывая пистолет.

Но Дорогин был готов к такому развитию событий.

Через несколько минут молодой человек, обезоруженный и со связанными руками, опустив голову и сверкая из-под лба глазами, уже сидел на диване, а Муму, устроившись напротив, пристально всматривался, как ему теперь казалось, в знакомое смуглое лицо.

– Мы с тобой раньше не встречались? – спросил он наконец.

– Это теперь неважно, – буркнул юноша.

– И все же...

– Я тогда был мальчишкой, – прошипел сквозь зубы юноша. – И я все видел и все понял. И когда теперь ваш друг опять появился в наших краях, я попытался предупредить наших. Но мне не поверили. Мне сказали, что я что-то путаю. И тогда я сам прилетел в Москву.

– А кто тебе дал этот адрес? И почему ты думаешь, что здесь живу не я, а какой-то мой товарищ? – спросил Дорогин.

– Этого вам знать необязательно, – зло буркнул юноша и добавил: – Но имейте в виду, я все равно вырвусь и найду его семью. И я докажу, что это вы, вы тогда погубили и моего отца, и моего дядю!

– Подожди. Ты что-то путаешь... – проговорил Дорогин, пытаясь продумать, как разумнее вести себя дальше.

Но очевидно, узел на веревке, которой Дорогин связал руки юноше, был слишком слаб или юноша умел развязывать любые узлы... Так или иначе, в одно мгновение пленник вскочил и, рванув балконную дверь, буквально скатился вниз по лестнице.

Дорогин поспешил ему вслед, но юноша, спрыгнув на землю, тут же вскочил в ожидавшую его машину и был таков.

Глава 3

Лев Пореченков, один из самых востребованных в модной столичной клинике пластических хирургов, был суеверным человеком. Нет, он не сворачивал с тротуара, если видел изготовившуюся к перебежке черную кошку, потому что перемещался с места на место преимущественно в своем новеньком авто. И операций с тринадцатого числа переносить ему не приходилось: сами клиенты не решались выбирать такую дату. Но когда утром в понедельник Лев Пореченков включил кофеварку и в это время вырубили электричество, он почему-то воспринял это как недобрый знак.

Сегодня он останется не только без кофе, но и без утренних тостов и теленовостей, которые привык смотреть за чашечкой ароматного, пьянящего и бодрящего своим горьковатым привкусом напитка. Вот когда наконец пожалеешь, что в новой квартире стоит не газовая, а электроплита! Ожидать, пока включат электричество, Лев Пореченков не мог. Как раз сегодня на девять была назначена операция, к которой его пациентку – известную актрису – готовили целую неделю. Оставалось надеяться, что он успеет выпить кофе на работе. Благо и там стоит прекрасная современная кофеварка и его молодая помощница Леночка прекрасно с ней управляет. Еще не насытившись холостой жизнью и независимостью, Лев Пореченков предпочитал не завязывать с женщинами никаких серьезных отношений. Но красивых, умелых и ласковых далеко от себя не отпускал. А Леночка была не только отличной медсестрой и, судя по пирожкам, которые приносила к чаю, замечательной хозяйкой, но и, на зависть тем, кто пользовался услугами их клиники, длинноволосой полногрудой блондинкой, с тонкой талией и длинными красивыми ножками. Главврач Тимур Ашотович Табиридзе, когда речь заходила об очередной рекламной кампании, любил повторять: «Наша лучшая реклама – это Леночка. Пока она дефилирует по нашим коридорам, пациентки, чтобы стать на нее похожими, будут готовы стерпеть даже адские муки и выложить любые деньги».

Надежда выпить кофе из Леночкиных ласковых ручек на какое-то время приглушила неприятное предчувствие, но, когда недавно купленная машина, новенькая серебристая «хонда», не завелась, Лев, взглянув на часы и злобно стукнув кулаком по рулю, понял, что началось то, что обычно называют «полосой невезения». Сколько она продлится, одному богу известно. Разбираться в машине времени не было. Лев еще раз взглянул на часы и прикинул, что он еще может успеть доехать на метро, это перспективнее, чем ловить такси.

В метро Лев Пореченков давненько уже не ездил. И хотя станция находилась совсем рядом с домом, а на машине иногда приходилось часами простаивать в пробках, Лев, который с детства не переносил толпу, все равно выбирал авто. Даже после банкета, находясь под хмельком, он просил, чтобы его подвезли, или вызывал такси. Но теперь, завязнув в этой самой «полосе невезения», Лев почувствовал, что его тянет к людям. Там вроде не так страшно.

Метро впечатлило его не количеством спешащих, нервно толкающих друг друга людей, а тем, что все служащие и некоторые пассажиры были в ватно-марлевых повязках. Только теперь Лев вспомнил, что вчера в клинике говорили о том, что в связи с начавшейся эпидемией свиного гриппа придется объявлять карантин и ходить в ватно-марлевых повязках. Да, действительно, и в теленовостях предупреждали, что аптеки будут работать круглосуточно, а лекарства завозят каждые четыре часа. Похоже, в городе начиналась паника. Будучи медицинским работником, Лев понимал, что толкаться в толпе сейчас действительно небезопасно.

Но отступать было некуда. Времени оставалось в обрез. Радуюсь, что имеет рост выше среднего, подтянув к носу свой ярко-синий шарф, задрав голову и отворачиваясь от чихающих и покашливающих граждан, Лев спустился по эскалатору и, зайдя в вагон, присел на освободившееся только что место.

– Граждане пассажиры! – донеслось из динамика. – Убедительно просим обо всех подозрительных и оставленных без присмотра вещах сообщать дежурному по станции.

И только Лев решил вздремнуть, как услышал женский вскрик.

И тут же прямо перед ним потеряла сознание молодая женщина. Люди, которые только что стояли так тесно, что тесней не придумаешь, вдруг расступились. Моднo одетая, ярко накрашенная брюнетка в черничной куртке рухнула на пол, побледнела и, закатив глаза, заби-лась в конвульсиях.

– Врача! Здесь есть врач?!

– Нужно остановить поезд!

– Дурак! Нужно поскорее добраться до станции!

Мужские и женские голоса перебивали друг друга. Люди боялись приблизиться к упавшей женщине и отступали от нее все дальше.

– Это грипп! Свиной грипп! Давно нужно было объявлять эпидемию! – прокричала высокая блондинка в повязке.

Несколько человек интуитивно натянули на лицо шарфики.

– В метро он не передается! Здесь сквозняк!

– Откройте окна!

– Пустите, дайте выйти!

– Так есть здесь врач или нет?! – не унималась дама в шляпе.

– Какой врач! Ей уже никто не поможет! – одернул ее краснолицый лысый толстяк в засаленной черной куртке.

Сам не зная почему, Лев Пореченков встал и произнес:

– Я врач. Не кричите. И не создавайте паники.

Люди расступились и затихли.

– Может, вам повязку дать? У меня есть лишняя! – предложила активная старушка в ватно-марлевой повязке и синей беретке.

– Не надо! – покачал головой Лев и, присев на колени, попытался уловить едва прослушиваемый пульс. Потом попытался приподнять голову, но женщина неожиданно закашлялась, и у нее горлом пошла кровь.

Перегон между станциями казался бесконечным.

И вдруг Лев заметил, что у женщины из-под рукава выполз довольно большой крылатый муравей.

– Блохи! Здесь блохи летучие! – крикнула женщина в шляпе.

– Какие блохи! Это муравьи! Таких теперь в Москве по горло! – поправил ее молодой мужчина в кепке и кожаной куртке. – Это мутанты какие-то. Лето было теплое и влажное. Вот их и развелось черт знает сколько.

– Здесь их целая банка! – раздалось с другого конца вагона.

– Это диверсия!

– Теракт!

– Ой, здесь мужчине плохо!

– Кровь! У него кровь!

– Врача! Врача!

– Там еще кому-то плохо! – сообщила старушка в беретке.

– Я слышу, – кивнул Лев Пореченков, отпуская руку лежащей перед ним, уже не кашляющей, холодеющей женщины.

– Она умерла? – тут же спросила старушка.

Лев молча кивнул.

– Доктор! Доктор! Человек умирает!

– Давите, давите муравьев!

– Они улетают!

– Откройте окна! Пусть вылетают в метро!

– Вы что! Наоборот, закройте окна, чтобы они не разлетелись!

Опять голоса накладывались один на другой, а люди повскакивали с мест, залезли ногами на скамейки, сами не зная, как и от чего спастись.

Когда наконец поезд доехал до станции и за окошками показались ее огни, люди совсем обезумели и рванули к выходу.

– Милицию! Позовите кто-нибудь милицию! Здесь ЧП! – попросила старушка, стараясь сдержать поток пытающихся войти в вагон пассажиров.

В вагон зашли двое милиционеров и попросили освободить вагоны, оставив лишь боевую старушку в ватно-марлевой повязке и синей беретке и Льва Пореченкова, которого старушка упростила задержаться хотя бы на одну станцию, чтобы рассказать, в чем дело.

– Но у меня операция... – попытался объяснить Лев.

– Но вы же доктор! Без вас никто не разберется.

До конечной станции поезд ехал без остановок. В вагоне лежали на полу в разных концах женщина в черничной куртке и рыжеволосый высокий мужчина в кожанке. Оба были мертвы. И было видно, что и у одной и у другого перед смертью шла кровь из горла.

Возле мужчины у дверей лежали осколки разбитой пол-литровой стеклянной банки, в которой, очевидно, и принес кто-то в вагон летучих муравьев, которые теперь расплозились и разлетелись по всему вагону, а может, и метро, потому что два окна так и не закрыли.

– Что здесь произошло? – строго спросил молодой лейтенант, обращаясь к Льву Пореченкову.

– Здесь произошел теракт. Кто-то принес банку с отравленными блохами или муравьями, от укуса которых люди мрут как мухи! – четко заявила старушка, пока Лев собирался с мыслями.

– Я не у вас спрашиваю! – остановил ее молодой лейтенант, который, хотя и недолго еще служил в милиции, предпочитал иметь дело не с болтливыми женщинами, а с мужчинами.

– Я могу подтвердить, что действительно два человека умерли неизвестно по какой причине. Симптомы одинаковые. Конвульсии и кровь горлом, – кивнул Лев.

– А муравьи? Что это за муравьи такие?! – спросил молодой лейтенант.

– Да, я тоже видел довольно крупных муравьев с крыльями... – кивнул Лев Пореченков.

– Таких, что ли?

Еще один, совсем молоденький чернявый сержант подошел и протянул руку. По его ладони медленно полз большой крылатый муравей.

– Выбрось, выбрось немедленно! – закричала старушка в беретке.

Но было уже поздно.

Молоденький сержант вместо того, чтобы выбросить муравья, сжал кулак, стараясь придушить его пальцами. При этом он попытался улыбнуться и даже хотел что-то сказать. Но вдруг побледнел, начал задыхаться, нервно, как выброшенная на берег рыба, хватая ртом воздух. На лбу у него выступила испарина, глаза покраснели и от напряжения едва не выкатились из орбит.

Лейтенант бросился к товарищу и едва успел подхватить его. Молоденький сержант осел, бессильно повис на его руках, еще раз надрывно кашлянул, и тело его содрогнулось в судороге.

– Кровь! Смотрите, у него изо рта тоже течет кровь... – побледнев, прошептала старушка и попятилась к двери.

– Что ж с ним делать? – вдруг осипшим голосом выдавил лейтенант и, взглянув на Льва Пореченкова, попросил: – Вы же доктор, помогите.

Лев присел и, бледнея от страха, попытался прослушать пульс на шее сгорающего на глазах молоденького сержанта.

– Он умер... – отводя взгляд, сказал Лев и предложил: – Давайте положим его на скамейку.

– Я сам... – хлестнул его взглядом лейтенант.

Состав тем временем, промчавшись мимо конечной станции, въехал в темный, освещенный редкими фонарями, тоннель и остановился.

Старушка тут же бросилась к дверям. Но двери не открылись. Свет в вагонах притушили, и в вагоне стало совсем жутко: три мертвеца – женщина и мужчина на полу и молоденький сержант на лавке – и трое живых, с опаской глядящих на пол, где бодро, как ни в чем не бывало, сновали туда-сюда крылатые муравьи. Старушка, зачем-то прижимая ко рту повязку, начала кричать, резко, визгливо, задышавшись и похрипывая:

– Двери! Немедленно откройте двери! Выпустите, немедленно выпустите меня отсюда!

– Да не кричите вы! – остановил ее лейтенант. – Сейчас дежурный пройдет по вагонам и нас выпустит.

Но почему-то никто к ним не шел.

Лев Пореченков, прикусив губу, глянул на часы. До начала операции оставалось минут пятнадцать. Нужно хотя бы перезвонить и предупредить, что он опаздывает. И он уже достал мобильник, принялся набирать номер, но лейтенант резко выкрикнул:

– Не звонить! Отдайте мне мобильник!

– Но у меня операция. Больную к ней готовят. Я должен сообщить, что задерживаюсь! – возмутился Пореченков.

– Представьте, что вас нет, – вдруг сказал лейтенант, протянув руку к мобильнику Пореченкова.

– Как это «нет»... Но я же есть... – не на шутку испугался Пореченков, отдавая мобильник лейтенанту, и, взяв себя в руки, добавил: – Вы сами можете позвонить, предупредить, что меня не будет.

– Не нужно никому звонить, – покачал головой лейтенант, отключая телефон.

– Но меня же уволят... – пробормотал Пореченков. – У нас престижная клиника, у нас даже за опоздания увольняют...

Лейтенант сделал вид, что не слышит.

– Мы что, заложники?! – в ужасе воскликнула возмущенная старушка в ватно-марлевой повязке.

– Нет, но до выяснения всех обстоятельств дела вы будете находиться под моим личным надзором, – сказал лейтенант и добавил: – Чтобы панику не поднимали.

– Да не собираюсь я поднимать никакой паники, – не на шутку испугался Пореченков, понимая, что вот сейчас, здесь стораet его баснословный по кризисным временам гонорар, премиальные, а значит, и его ставшая уже традиционной рождественская поездка на один из престижных европейских горнолыжных курортов. – Я не собираюсь поднимать никакой паники, – повторил он. – Но поймите, кроме меня, никто не проведет эту операцию...

– Мой товарищ, сержант, – кивнул в сторону лежащего на скамье бездыханного тела лейтенант, – он тоже, может, собирался участвовать в операции по задержанию опасных преступников...

– Я говорю совсем о другой операции! – нервно покачал головой Пореченков. – Я врач, хирург, пластический хирург. И меня ждет пациентка. Я не имею права рассекречивать информацию, но это очень, очень известная актриса. И я должен, я обязан сейчас появиться в клинике. Если нужно, я подпишу бумагу о неразглашении тайны или как это там у вас называется... Иначе что я потом кому докажу...

– А вы представьте себя на месте сержанта, – невозмутимо сказал лейтенант, – представьте, что это не ему, а вам в руки попал этот муравей и это не его, а вас он укусил...

– Еще немного постоим, и точно нас отсюда вынесут, – не на шутку забеспокоилась старушка, на минуту задумалась и вдруг оживилась: – А мне, молодые люди, кстати, в туалет нужно. У меня цистит. Доктор, объясните товарищу лейтенанту, что такое цистит...

– Это, товарищ или, как теперь вас там называют, господин лейтенант, такая болезнь. Когда человеку обязательно нужно сходить в туалет, иначе... – тут же поддержал старушку Пореченков.

– Да знаю я, что такое цистит, – недовольно покачал головой лейтенант, с опаской поглядывая на расползающихся и время от времени взлетающих муравьев.

– Ну так тем более, – с надеждой проговорил Пореченков.

– Подождите, вы должны мне оставить свои координаты, – сказал лейтенант, доставая блокнот и ручку.

– Мыскина Полина Эдуардовна, пенсионерка, – поспешила первой назваться старушка.

А когда милиционер записал ее адрес и номер телефона, заявила:

– Только имейте в виду, никаких документов о неразглашении я подписывать не буду. Ни за что! Общество должно знать правду! В московском метро поселились заразные летучие муравьи. А вдруг они живут уже не только в метро, но и на улицах нашей столицы?

– Если вы собираетесь об этом болтать кому ни попадя, – заметил милиционер, – я просто вынужден буду вас изолировать...

– Что?! – взвизгнула старушка. – Что вы такое сказали?! По какому праву?! Я буду жаловаться в суд! Народ должен знать правду! Вы только посмотрите, он меня, то есть нас, собирается посадить за решетку! По какому праву?!

– Я имел в виду временно изолировать... – проговорил милиционер, отступая в сторону от разъяренной старушки, которая, казалось, готова была наброситься на него с кулаками.

– Да все равно же те, кто был с нами вместе в метро, давно уже всем все рассказали... – покачал головой Пореченков, все еще нервно поглядывая на часы.

– Ну, вообще-то, был приказ изолировать всех, кто находился в этом вагоне... – как-то неуверенно проговорил милиционер.

– Ерунда! Люди бежали отсюда кто куда! – сказал Пореченков. – Нужно, наоборот, поскорее предупредить людей, принять меры... Как мне кажется, эта зараза передается только через кровь, через укусы этих насекомых. Поэтому необходимо срочно принять меры по их уничтожению.

– Да-да, срочно! – подхватила старушка и, обращаясь к Пореченкову, добавила: – А вы заметили, сколько этих букашек в открытые окна вылетело!

– А почему окна в вагонах открыты?! – как будто только что это заметив, возмутился милиционер.

– Как, вы что, не знаете?! – тут же отозвалась старушка. – Это чтобы свиной грипп не распространялся. Вирус свиного гриппа боится сквозняков. Поэтому нужно все время проветривать помещения. Лучше всего – открывая сразу несколько окон и форточек.

Милиционер тем временем взялся записывать в блокнот данные Льва Пореченкова.

– Ваше имя?

– Лев Павлович Пореченков.

– Где проживаете?

Лев Пореченков поспешил назвать адрес и номера домашнего и мобильного телефонов, а потом добавил:

– Товарищ, господин милиционер, если вам я понадобится, вы всегда сможете меня найти. А теперь прошу: отпустите меня, ведь в клинике ждут...

– А в какой клинике вы работаете? – поинтересовался милиционер.

– Какое это имеет значение! Давайте уже что-нибудь решать! – начал выходить из себя Пореченков.

– Я должен знать, я просто обязан обозначить возможный круг ваших контактов... Кому вы можете передать секретную информацию.

– О чем вы говорите?! – возмутился Пореченков. – Здесь действовать надо. Ведь муравьи не только расползаются, они размножаются. С ними нужно как-то бороться.

– Сейчас придут дежурные, и мы с ними это обсудим... – проговорил милиционер.

– Я смотрю, никакие дежурные к нам не спешат, – перебил его Пореченков. – И боюсь, нам вообще никто не собирается двери открывать.

Милиционер, понимая, что, скорее всего, машинист, отведя состав на запасной путь, действительно забыл о них, нажал на красную кнопку.

Никто не отозвался. Тогда милиционер, уже не на шутку встревожившись, попытался набрать номер на мобильнике. И, как понял Пореченков, безрезультатно. Похоже, они остались без связи.

Полина Эдуардовна как будто тоже что-то поняла, нервно поправила беретку и, вместо того чтобы возмущаться, вдруг притихла.

Лейтенант минуту поразмыслил, потом резко дернул аварийный кран и, как только двери открылись, соскочил вниз и помог выбраться из вагона Пореченкову и старушке.

Как оказалось, выход с запасного пути, на который пригнали состав, был совсем рядом. Двери в дежурку были открыты. Лейтенант, как только увидел мирно беседующих за чаем машиниста и дежурную по станции, налил краской и закричал:

– Встать!

Полина Эдуардовна остолбенела. А Пореченков, оценив ситуацию, взглянул на часы и тихо, по стеночке, поспешил ретироваться. Лейтенанту теперь было на кого выпустить свой пар, а он надеялся все же хоть и с опозданием, но добраться до клиники.

Из депо, где на запасном пути стоял изолированный состав, из которого с таким трудом они выбрались, наверх вела лестница с выходом прямо на улицу.

Выбравшись на свежий воздух, Пореченков почувствовал, что у него закружилась голова. Но присесть на лавочку и передохнуть он побоялся. Кто знает, что еще взбредет в голову лейтенанту. Опомнится, бросится за ним вдогонку, опять начнет задавать свои глупые вопросы, тогда уж точно ему не успеть.

Осмотревшись, Пореченков наконец понял, что находится совсем рядом с клиникой. Нужно было только пройти через пустырь, где этим красивым осенним утром несколько собачников выгуливали своих питомцев.

Здесь, на улице, все только что пережитое в метро, показалось Пореченкову страшным сном. В клинику, да еще в свой операционный день, приносить состояние тревоги и напряженности никак нельзя. Поэтому Пореченков сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, а затем попытался обдумать и проанализировать свое состояние.

Так получилось, что он, похоже, стал случайным свидетелем диверсии или, как теперь модно говорить, теракта. Кто-то оставил в вагоне метро банку с летучими муравьями, которые, и в этом не приходилось сомневаться, разносили какую-то заразу, нечто похожее на скоротечную форму легочной чумы. Можно было, конечно, предположить, что какой-то биолог вез этих муравьев в свою лабораторию, что он сам не знал, как воздействуют их укусы на людей, а потом забыл банку в метро или в давке выронил. И муравьи случайно расползлись, разлетелись. Но это было маловероятно. Значит, все-таки это теракт. И возможно, такие теракты произошли не только в их вагоне.

Самым же неприятным представлялось то, что, будь это взрыв или какое-то иное силовое воздействие, его последствия были бы более очевидными, а значит, не так угнетали. Самый глубокий страх вызывает невидимая опасность. С врагом, который себя обнаружил, можно вступить в бой или убежать от него. А когда понимаешь, что эти летучие муравьи расползаются, разлетаются по всему московскому метрополитену и при этом (ему, как врачу, это было

отлично известно) еще и размножаются, и размножаются не только муравьи, но и проникающие в кровь людям после муравьиных укусов вирусы... да, тогда содрогаешься от ужаса. Ведь ни милиция, ни армия помочь здесь не смогут. Необходимо срочно поднимать на ноги микробиологов, биологов, медиков, изучать неизвестную болезнь, искать вакцину, делать прививки... А милиция, судя по поведению лейтенанта, собирается скрывать информацию. Не только ему одному, но и всем грозила опасность, с которой пока неизвестно, как бороться. Жертвами летучих муравьев потенциально может стать каждый. Пореченков вспомнил, как когда-то, еще в детстве, слышал о том, что в транспорте начала орудовать банда, которая делала всем какие-то страшные уколы. И москвичи, как не раз вспоминала его мама, тогда в час пик буквально шарахались друг от друга. Да, трудно представить, как теперь переживают, паникуют случайно оказавшиеся в их вагоне женщины. Но ему-то никак нельзя сейчас отдаваться во власть эмоций.

Будучи, как говорили его друзья, истинным сангвиником, Пореченков всегда был рад заменить переживания делом. И еще раз восстановив в памяти, можно считать, по кадрам все, что с ним произошло в метро, определив, почему никак не может избавиться от тревожного, гнетущего чувства, он как бы обозначил для себя проблему, над которой потом обязательно нужно будет подумать. Но это будет потом, вечером, после работы. Или в крайнем случае после операции, которую, он это чувствовал, без него никто проводить не станет. Ведь известная актриса по совету одной своей давней подруги, жены олигарха, сама попросила, чтобы ее оперировал именно он, Пореченков.

* * *

Поднимаясь по ступенькам и открывая двери клиники, Пореченков полностью взял себя в руки. Не успел он открыть свой кабинет, как в коридоре появились сначала встревоженная Леночка, а за ней и сам главврач, профессор Рудов. Он сам не раз проводил подобные операции, очевидно, и сегодня собирался заменить Пореченкова, потому что был в халате и держал в руках ярко-синюю папку. Он не стал выяснять отношения в коридоре, но дождался, когда Пореченков откроет свой кабинет.

– Что вы себе позволяете?! – закричал он с порога. – Я уволю вас немедленно!

– Мне уже собирать свои вещи? – попытался остудить его своим спокойствием Пореченков.

– Почему вы даже не позвонили?! – продолжал наступать Рудов.

– Если бы вы знали, что со мной произошло... – начал было Пореченков.

Но Рудов, хлопнув папкой по столу, разъярился еще больше:

– Вы знаете, какие деньги нам платят клиенты?! Я хотел заменить вас. Но наша звезда наотрез отказалась. Сказала, что, если вы не придете, вообще откажется от операции и потребует, чтобы ей выплатили неустойку.

– Так мне собирать вещи или идти оперировать? – понимая, что удача пока на его стороне, спросил Пореченков.

– Да, конечно, собирайся и бегом, бегом на операцию! Потом разберемся! Ее уже готовят... – чуть спокойнее проговорил Рудов и, оставив синюю папку на столе, вышел из кабинета.

Пореченков быстро переоделся, помыл руки, взял папку и, присев к столу, еще раз просмотрел все анализы.

Потом еще раз набрал воздуха и, на минуту прикрыв глаза, выдохнул и направился в операционную. Леночка и Рудов, очевидно, уже предупредили актрису о том, что Пореченков на месте. К операции все было готово. Натянув бахилы, завязав маску и надев перчатки, Пореченков вдруг почувствовал, что по спине у него что-то ползет. Но, передернув лопатками,

решил, что это стекает пот. Однако пот почему-то стекал не вниз, а вверх. Он еще раз передернул лопатками.

– Что, мурашки по спине ползают? – вдруг спросила у него Леночка, сузив свои, как всегда, умело подведенные глазки над повязкой, и добавила: – У нас самих от страха колени до сих пор подкашиваются. Как тут Рудов кричал! Просто рвал и метал. Особенно когда эта наша звезда наотрез отказалась оперироваться у кого бы то ни было, кроме вас...

Леночка болтала дальше. А Пореченков поймал себя на том, что ему кажется, что у него по спине действительно ползут муравьи. Вспомнив то, что произошло в метро, он тяжело вздохнул и покачал головой. Но он вошел в операционную, взял в руки скальпель... и вдруг содрогнулся, ощутив нечто вроде болезненного укола под лопатку. В глазах у него потемнело, голова закружилась, а в груди что-то сжалось так, что стало невозможно дышать...

– Лев!.. Левочка, что с вами! – закричала Леночка.

Пореченков закашлялся и начал медленно оседать на пол.

Уже когда он упал, Леночка, которая первой бросилась к нему на помощь, заметила ползущего по полу огромного крылатого муравья, или, скорее, муравьюху, которая, похоже, начала нести яйца, потому что роняла на пол какие-то крохотные белые шарики.

Глава 4

Садясь в самолет Москва – Грозный, Плетнев с удивлением заметил, что он в нем едва ли не единственный пассажир со славянской внешностью. Устроившись у иллюминатора и старясь не вслушиваться в разговоры на разных закавказских наречиях, Плетнев закрыл глаза и задумался о своем. Возможно, у него в ближайшее время не будет времени взвесить и проанализировать ситуацию. Прилетев в Грозный, он выйдет из самолета уже другим человеком, наемником из Прибалтики, которому придется не столько думать, сколько действовать. А без систематизации сведений и фактов действовать правильно практически невозможно.

* * *

В ГРУ с тревогой начали замечать, что в последнее время боевики, которых оставалось еще предостаточно в горных лагерях, перестали доверять даже украинским наемникам. Но прибалты почему-то оставались у них на хорошем счету. В связи с кризисом для некоторых молодых и не очень молодых военных из Западной Европы, в том числе и из Прибалтики, «горячие точки» оставались единственной надеждой решить свои финансовые проблемы. Особенно охотно брали на службу тех, кто уже бывал в Закавказье. Поэтому Плетнев, который уже принимал участие в операциях боевиков под именем Витовтаса Жальгериса, был идеальной фигурой для внедрения. Высокий, худой, голубоглазый Плетнев отлично владел не только литовским, но и латышским языком, был сдержан, тренирован, имел свою правдоподобную историю. Но в этот раз его особо никто и не проверял, потому что внедряли для конкретного дела – охраны спецлаборатории, расположенной в горах, на территории лагеря боевиков, где, по сведениям, полученным через своих агентов, проводились какие-то опыты с биологическим оружием. Сложность заключалась в том, что опытами этими занимались, скорее всего, не по инициативе боевиков, а с подачи и под контролем кого-то из Москвы.

Генерал Рогов, который лично контролировал операцию, вызвал Плетнева в свой кабинет и, не отрывая взгляда от стола и нервно переключая из руки в руку ручку, заявил:

– Первое, что ты должен сделать, – это увезти жену и детей из Москвы. Притом увезти туда, где их никто не найдет. Об их местонахождении должен знать только ты.

– Но ведь у меня совсем малыши... – растерянно пробормотал Плетнев.

– Именно поэтому я и начинаю разговор с этого условия. И сам у тебя не спрашиваю, куда увезешь. В данном случае я не могу доверять даже охранникам, – перебил его генерал Рогов.

– Неужели все так серьезно? – пожал плечами Плетнев. – Неужели боевики протянули свои щупальца до Москвы?

– Боевики здесь ни при чем, – покачал головой генерал.

– То есть? – опешил Плетнев.

– То есть лагерь, в который мы тебя посылаем, служит лишь прикрытием для лаборатории, деятельность которой курируется из Москвы.

– Из Москвы? – удивился Плетнев.

– Да, – кивнул генерал, все еще не поднимая глаз. – Кому-то невыгодна стабилизация положения в Закавказье. Твоя задача – вычислить тех, кто замешан в этой истории.

– А кто куратор этого проекта дестабилизации? – тщательно подбирая слова, спросил Плетнев.

– Мы можем лишь догадываться, кто настоящий заказчик этого мероприятия. Или чьим именем прикрывается настоящий заказчик... – сказал генерал Рогов.

– В чем конкретно будет заключаться моя миссия? – спросил Плетнев.

– Тебя внедрят в охрану лаборатории. А ты, завязав контакты с теми, кто там непосредственно работает – с учеными, лаборантами, уборщицами, – в конце концов должен, во-первых, выяснить, что за эксперименты там проводятся. Есть подозрение, что разрабатывается какое-то новое биологическое оружие, которое может быть применено в одном из российских городов...

– А во-вторых? – поинтересовался Плетнев.

– А во-вторых, нужно проследить всю цепочку. От лаборатории до Москвы, до самых высших эшелонов власти. Докладывать обо всем будешь мне лично. Поэтому ты должен остаться жив!

– Я понял, – кивнул Плетнев.

А генерал, оторвав наконец взгляд от стола, спросил:

– Есть ли у тебя кто-то, кому ты можешь доверять, как себе?

Плетнев на минуту задумался и хотел уже назвать Муму, но его что-то удержало. Кто знает, может, в ГРУ стены тоже имеют уши.

– Правильно, – кивнул генерал, будто прочитав его мысли. – Если есть у тебя такой человек, в экстренном случае он может выйти на меня.

– Я понял, – кивнул Плетнев. – Сколько у меня времени на сборы?

– Сутки, – сказал генерал. – Но не суетись. Даже соседи не должны ни о чем догадаться. Ты же понимаешь, что после твоего визита ко мне ты будешь находиться под колпаком. О том, что ты отправляешься к боевикам, буду знать не только я. Но только мне и тебе известна настоящая цель командировки. Для всех остальных ты отправляешься туда, чтобы узнать, кто из наших сливает информацию на Запад.

Увезить ночью жену с детьми было бы рискованно. Их бы непременно выследили. И Плетнев принял единственно возможное в тот миг решение. Положив детей в коляску, он пошел днем якобы погулять. Жена отправилась будто бы в химчистку. Но возле Дома быта, сев на такси, она приехала в условленное место, забрала малышей и уехала к давним друзьям в Подмоскowie. А Плетнев тем временем уже с пустой, но занавешенной коляской вернулся домой.

Присмотреть за квартирой он попросил Муму, которому действительно доверял, как самому себе.

Используя редкую возможность отдохнуть, Плетнев задремал, а проснулся уже тогда, когда стюардесса объявила посадку в Грозном. В аэропорту его должны были встречать как наемника из Прибалтики Витовтаса Жальгериса. Надо сказать, что Плетнев, для боевиков Жальгерис, отлично владел несколькими языками, в том числе арабским и английским, поэтому его в прошлом с успехом использовали в переговорах. Да и в общении с русскими прибалт всегда был как бы нейтральной, третьей стороной.

– Балт, что ли? Витовтас? По вирусам спец, что ли? – спросил подошедший к нему чернобородый молодой человек в элегантном костюме, при галстуке, с темно-кариыми, сверлящими спутника глазами.

– Да-а, – чуть растянув последний звук, подтвердил Плетнев, с ходу вживаясь в роль. – Но только по компьютерным.

– Я – Хасан, – услышав ответ на пароль, сказал молодой человек и, осторожно оглядевшись, предложил: – Отойдем.

Плетнев кивнул и, вскинув рюкзак на плечи, пошел вслед за Хасаном. Он в своей кожаной куртке и джинсах смотрелся рядом с ним совсем несолидно.

Выйдя из здания аэропорта, Хасан направился к забору, за которым велась стройка, и, пожевывая сорванную по пути травинку, не спуская с гостя пристального взгляда, проговорил:

– В общем так. Есть два варианта. Или останешься здесь, в Грозном. Нам переводчики очень нужны... Глаза завязали, привезли-увезли, переговоры перевел и все забыл. Мне говорили, что ты в прошлый раз такие задания выполнял и вроде как не проболтался...

– А второй вариант? – поинтересовался Плетнев.

– Второй... второй тоже глаза завяжут и в горы увезут. Но прямо сейчас. Охранников там у них не хватает. Ты вроде как парень крепкий... Ну, а если переводить нужно будет, тебя оттуда доставят. За двойную оплату. Тебе как, деньги очень нужны?

– А чего бы я сюда приехал? Мне очень деньги нужны, и чем скорее, тем лучше... Сестре на операцию. Срочно нужно.

– Ну, тогда и болтать нечего. Едем в горы, а там видно будет.

– А что охранять нужно будет? – спросил Плетнев.

– Ну, этого даже я не знаю, – усмехнулся Хасан, думая о чем-то своем.

– Да я просто степень риска хочу знать. Если склад боеприпасов – это одно. А если продукты – это другое...

– Не бойся, нет там никаких боеприпасов. Так... что-то типа лаборатории... В общем ничего особенного. Если боишься, что русские бомбить будут, можешь успокоиться, бомбить и обстреливать они не станут, – добавил он уверенно.

– Почему ты так уверен? – поинтересовался Плетнев.

– Они сами себя теперь не бомбят. Поумнели, – сказал Хасан и как-то нехорошо хмыкнул.

– Ну, если ты уверен, то поехали, чего время терять, – предложил Плетнев.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Хасан.

Он достал свой мобильник, набрал номер – очевидно, сбросил кому-то «глухаря», и буквально через пару минут к ним подрулил черный джип, из которого вышли двое накачанных парней в камуфляже.

Плетнев отметил, что машина новая, с московскими номерами и, судя по марке, из какой-то последней партии, рассчитанной исключительно на людей из самого высшего московского эшелона власти.

– Ваша?! – спросил он, кивнув в сторону джипа.

– Не, – покачал головой Хасан, – покатайтесь дали.

Плетнев направился к машине и слегка передернул плечом, когда один из парней завязал ему глаза сложенной вдвое черной косынкой.

– Я и сам мог бы это сделать... – пробормотал он.

– Ты давай не болтай, садись и поехали, – сказал Хасан и скомандовал, очевидно, шоферу: – На базу.

Сам Хасан, как понял Плетнев, сел впереди с шофером. А рядом с ним по бокам на заднем сиденье устроились боевики.

Ехали они довольно долго и, судя по всему, по горной дороге. Страшно хотелось пить, но Плетнев, которому теперь следовало отзываться только на кличку Балт, знал, что, если попросить у сопровождавших его боевиков воды, они могут подсунуть ему неизвестно что. Так и заразу подхватить можно, и наркоты заглотнуть. И еще чего хуже. Словесный бесконтрольный понос в бессознательном может выдать его с потрохами. Вряд ли он будет бредить по-литовски. Поэтому Балт решил потерпеть до лагеря, или, как сказал Хасан, базы. Там наверняка будет хоть какая лавка, киоск, где можно затариться минералкой. Единственное, о чем пожалел Балт, – это о том, что он не купил минералку в аэропорту в Москве или хотя бы здесь, в Грозном. Но теперь об этом было жалеть поздно. Поэтому он аккуратно облизал губы и сглотнул. Очевидно, кто-то из боевиков пристально за ним наблюдал, потому что тут же Хасан спросил:

– Может, пить хочешь?

– Нет, – покачал головой Балт. – Я в дороге не пью. Боюсь, что стошнит.

– Ну, как знаешь... – недовольно пробормотал Хасан, но настаивать не стал.

– Его как, проверять будем? – спросил у Хасана на своем наречии один из боевиков.

– Да он вроде свой. Воевал уже тут за нас. И по-нашему, похоже, понимает. Так что вы при нем особо не болтайте, – предупредил Хасан. – Привезем его на базу, пусть там с ним сами эти москвичи разбираются. Хотят – проверяют, хотят – доверяют. Это же не нам, а им в лабораторию охранник нужен.

– И чего они у нас на базе вдруг вздумали опыты какие-то проводить? – недовольно спросил один из боевиков.

– Чего-чего, зато бабки, знаешь какие за это платят! За них мы новейшее оружие купим, – сказал второй.

– Хватит болтать! А то я вам быстро языки укорочу! А при этом новеньком вообще помалкивайте! – оборвал их Хасан.

– Ты ж, Хасан, говоришь, что воевал он уже здесь, что свой... – напомнил один из сопровождающих боевиков. – Да и спит он, этот твой Балт.

– Ну и вы откиньтесь, отдохните, – предложил Хасан.

И боевики, похоже, действительно решили вздремнуть, потому что сначала один, потом и другой начали похрапывать.

Еще во время своего первого вояжа к боевикам Балт хорошо усвоил простую истину: чтобы оставаться вне подозрения, не стоит проявлять никакого интереса. Нужно просто четко выполнять все задания и команды. Есть время поспать, пусть все видят: ты отдыхаешь, восстанавливаешь силы. Есть возможность потренироваться, пострелять – нужно использовать эту возможность. И никаких эмоций, никаких расспросов, личных контактов. Ты – солдат, наемник, и этим все сказано. Но при этом, чтобы профессионально и качественно выполнить задание центра, нужно, исподволь наблюдая, прислушиваясь, собирать по крупицам всю необходимую информацию. И не откладывая в долгий ящик анализировать. Уже теперь он мог с уверенностью сказать, что лаборатория, о которой рассказал генерал Рогов, находится на территории лагеря боевиков не потому, что боевики заинтересованы в проводимых там опытах, а потому, что кто-то из Москвы заплатил или пообещал заплатить большие деньги за ее размещение именно на территории одной из баз боевиков. А боевики, очевидно даже не зная, что именно происходит в стенах секретной лаборатории, в свою очередь собираются на эти деньги закупить новейшее оружие. Подобную лабораторию можно было вполне разместить где-нибудь в Подмосковье. Но кому-то в Москве нужно было включить в большую игру именно Закавказье, где только-только начало все успокаиваться.

Пусть боевики и затаились, и действуют время от времени исподтишка, но ведь систематических боевых действий они не ведут. И глобального наступления на Москву не готовят. А секретная лаборатория, да еще с новейшим биологическим оружием, – это уже прецедент, способный взорвать ситуацию, нарушить хотя бы видимую стабильность. И то, что эта лаборатория начала действовать после недавней смены высших эшелонов власти, когда многие бывшие высокопоставленные чиновники остались не у дел, наводило на интересные мысли. И был даже след, по которому можно попробовать вычислить тех, кто стоит за этой провокацией. Этот след – в московских номерах джипа, на котором теперь его везли. Их он хорошо запомнил. Но как теперь передать это в Москву? Вот главная для него задача на ближайшее время. Хотя не менее важно не проколоться раньше времени. И официальному агенту ГРУ, который, несомненно, выйдет с ним на связь, он должен представить данные по другому заданию, он должен будет сделать вид, что выясняет, кто из агентов работает на два фронта и сливает секретную информацию. Остается надеяться, что это не тот, кто выйдет с ним на связь. В противном случае Балт может пострадать и от своих, и от боевиков. Все время придется быть начеку.

С этими мыслями Балт все-таки задремал на несколько минут. Он привык восстанавливать силы даже не за часы, а за минуты глубокого полноценного сна. Это была привычка, выработанная еще во время учебы. Военному, разведчику, тем более секретному агенту, без

нее не обойтись. Балт всегда искренне завидовал своему самому надежному другу – Сергею Дорогину, который умел дремать в любом состоянии, даже стоя, и восстанавливался за каких-то пять минут.

– Все, снимай повязку. Приехали, – скомандовал Хасан.

В дороге он оставался слегка расслабленным. Но теперь в его голосе просто звенели командные нотки.

Высокие железные ворота со спецохраной и видеонаблюдением, в которые тут же уперся взгляд Балта, как только он стянул с глаз повязку, и новая ограда с колючей проволокой свидетельствовали о том, что о безопасности на объекте действительно заботятся. Хасан набрал код, и ворота раздвинулись, при этом в просвете показался охранник с автоматом. Балт не видел, но услышал, как джип, на котором его привезли, развернулся и уехал. Рядом с ним остался только Хасан. Он кивнул охраннику, и тот отступил в сторону.

– Пошли, смелее, – кивнул Хасан Балту. И они вошли на территорию объекта.

Глава 5

Среди низкорослых горных сосен стояло небольшое здание постройки конца пятидесятих – начала шестидесятых годов двадцатого века. В то время именно так строили военные и ведомственные санатории. Когда они подошли поближе, Балт действительно увидел прикрученную к стене мраморную доску с надписью когда-то золотыми, а теперь изрядно вытершимися буквами: «Санаторий Министерства торговли СССР “Путь Ильича”». Балт сразу понял, что это единственная возможность обозначить хоть как-то свое местонахождение, а одновременно и местонахождение секретной лаборатории. Потому что, скорее всего, даже тот, через кого его сюда устроивали, рассчитывает с помощью Балта решить какие-то свои личные проблемы, возможно убрать конкурента или проследить какую-то цепочку. А может, ему просто необходимо было, чтобы на определенном участке стоял именно его человек. Так или иначе, этот кто-то обязательно себя обнаружит. А ему, Балту, нужно выполнить свой план. И первым, самым важным заданием было передать в Центр точное местонахождение секретной лаборатории. В архивах Министерства торговли в Москве наверняка найдется адрес этого санатория.

Балт был опытным разведчиком и никогда не показывал виду, что именно и насколько его заинтересовало. Он лишь скользнул по доске безразличным взглядом и увел его сторону.

– Какой здесь, однако, чистый воздух, – сказал он Хасану, вдохнув полной грудью.

– Да, не зря в советские времена здесь был закрытый санаторий для избранных, для элиты, как теперь модно говорить, – пожал плечами Хасан.

Они почему-то не вошли в здание, а остановились у входа, как будто кого-то ожидая.

– Здесь? Вдали от цивилизации? – притворно удивился Балт.

– Я ж говорю: это был не просто санаторий, а элитный санаторий, – уточнил Хасан. – Сюда, как мне рассказывали, приезжали расслабиться очень большие люди. Они любили, чтобы все было по-русски – банька, девочки. А кухня наша, кавказская. Шашлык им готовили обязательно из свежего барашка. Здесь же легче найти свежего барашка, чем в Москве... Не так ли? – спросил вдруг Хасан и изучающе взглянул на Балта.

Тот перехватил этот взгляд и, нарочно растягивая слова, недовольно проворчал:

– Теперь русские себе в Москве рай обетованный строят... Наверняка вы поставляете в Москву барашков...

Хасан, очевидно, остался доволен реакцией Балта, который тем временем успел отметить, что возле старого здания появилось несколько новых построек ангарного типа. И из одной, что была расположена у самого забора с колючей проволокой, вышли два человека в глухих светло-зеленого цвета защитных костюмах с капюшонами, резиновых сапогах и специальных защитных масках с респираторами.

– А это кто, местные? – поинтересовался Балт.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – усмехнувшись, сказал Хасан.

– Ну, если бы мы, прибалты, жили по русским пословицам, давно вымерли бы. Мы всегда хотим знать все. В прошлый мой приезд мне все было ясно. Я помогал вашим людям. Они платили мне приличные деньги. Я вместе с ними воевал против русских. А теперь я кого буду охранять – ваших или русских?

– Как это «ваших»? Наши давно должны были стать твоими... – опять усмехнулся Хасан и добавил: – Расслабься. Деньги не пахнут. Ты будешь охранять вверенную тебе территорию. А что на ней происходит, ни тебя, ни меня не касается.

– А где я буду жить, питаться и... – начал Балт.

– И ходить в туалет... – кивнул Хасан. – Сейчас все тебе покажут. Я должен был доставить тебя сюда. Сам я тут не живу.

Люди в защитных костюмах тем временем направились к другому ангару.

Вдруг двери, надо понимать главного здания, у входа в которое они стояли, распахнулись, и на крыльцо вышел подтянутый, довольно молодой человек с военной выправкой, высокий, черноволосый, но, в отличие от Хасана, гладко выбритый и в накинута на европейский костюм белом халате.

– Вот, познакомьтесь, новый охранник. По рекомендации, – сказал Хасан, кивая в сторону Балта.

Человек в халате, похоже главный, смерил Балта оценивающим взглядом и только слегка кивнул.

– Я должен идти к своим, – сказал Хасан и добавил: – Ничего подозрительного мы не заметили.

Человек опять кивнул.

Хасан пожал плечами и, не прощаясь, пошел к воротам.

– Как мне вас называть? – спросил человек в халате. И Балт тут же отметил, что не только его темные, поблескивающие из-под густых бровей глаза и смуглая кожа, но и произношение выдают в нем не москвича, а скорее представителя местных народов.

– Балт.

– Из Прибалтики? – уточнил человек в халате.

– Да, – односложно ответил Балт и спросил: – А мне к вам как обращаться?

– Ну, ко мне тебе обращаться придется редко, лишь в исключительных случаях, – пожал плечами человек в халате, неожиданно перейдя на «ты», – Ты чаще будешь общаться с Хасаном. Он у нас ответственный за охрану. Но если что, зови меня Эмир.

– Эмир? – удивился Балт.

– Эмир, – кивнул человек в халате и добавил: – Сейчас должны приехать еще несколько человек. Мы расширяемся. И люди нам нужны. В общем, они подъедут – яс вами вместе тогда и поговорю.

Долго ждать не пришлось. Ворота разъехались, и в них въехал тот самый черный джип с московскими номерами.

Из джипа вышел совсем лысый невысокий старичок в очках и джинсовом костюме и тут же протянул руку, помогая выбраться из машины молоденькой тоненькой девочке в джинсах и облегающей маечке, с ярко-рыжими коротко стриженными волосами.

– Осторожно, Настенька, – предупредил мужчина и, не выпуская руку девушки из своей, добавил: – Какой воздух, какой здесь воздух! Ну просто как в санатории!

Девушка же, чуть улыбнувшись, поспешила вырвать свою руку. Она накинула на плечо ремень большой ярко-зеленой сумки и вздохнула.

– Вещи, наши вещи... Их нужно достать из багажника, – проговорил мужчина.

Балт сразу понял, что эти двое точно из Москвы. Во всяком случае, выговор у мужчины был чисто московский.

– Че вы все суетитесь, – будто подтверждая его догадку, отозвалась Настя, – Леонид Прокофьевич, куда наши вещи не денутся.

– Но, Настенька, там такой важный материал! – проговорил Леонид Прокофьевич, наблюдая, как двое сопровождавших их боевиков достают из багажника чемоданы, сумки и какие-то герметически закрытые, похожие на бидоны металлические емкости.

Эмир сам направился к джипу и, протянув Леониду Прокофьевичу руку, неожиданно горячо его поприветствовал:

– Добрый день! Добро пожаловать к нам, профессор. Вы здесь, я уверен, отлично отдохнете!

– Нет-нет, – покачал головой Леонид Прокофьевич, достав носовой платок и вытирая лысину: – Никакого отдыха. Работать, работать и только работать. Мне сказали, что у вас здесь отличные условия для проведения наших экспериментов. Вы же, как и я, были одним из уче-

ников профессора Чижикова. Он очень, очень вас ценил. И в последнюю нашу встречу, перед самой смертью, он просил, чтобы я обязательно к вам наведался. А тут вы позвонили и сами предложили мне приехать. Я не мог вам отказать. Да. Я забыл вам представить, – вдруг опомнился профессор. – Это моя ассистентка, Настенька. Она подает большие надежды.

Эмир поклонился и галантно поцеловал ей руку. Балт, наблюдая за всем, что происходило, достал сигарету и закурил. По реакции девушки можно было подумать, что она оказалась здесь случайно и вряд ли вообще представляет, где находится.

– Настенька будет мне помогать, – проговорил профессор и добавил: – Я уверен, что здесь идеальные условия для их размножения. Горный воздух и при этом довольно высокая влажность, – это как раз то, что им нужно. Думал ли профессор Чижиков, вывозя отсюда последних из сохранившихся здесь кровососущих, что ему удастся его клонировать, а мы, его ученики, сможем вернуть их в натуральные условия...

– Подождите, профессор, – остановил его Эмир, – сначала нужно все проверить. У нас есть уникальное оборудование. Есть возможность проводить такие эксперименты, что вам в Москве и не снились. Ведь кровососущие, да еще такие уникальные, как эти комары-муравьи, могут переносить не только такую заразу, как малярия, но и необходимые человеку вещества. С помощью этих крылатых муравьев можно даже делать прививки...

Эмир говорил, все более распаляясь. Но Балт, наблюдая за ним со стороны, почему-то не мог избавиться от чувства, что тот заговаривает профессору зубы. Настя же вообще многозначительно посмотрела на Балта, который внешне не проявлял к происходящему никакого интереса, и, сделав несколько шагов ему навстречу, покрутила пальцем у виска. Мол, они ненормальные. Их глаза встретились, и Балт едва заметно улыбнулся ей. У Насти были очень выразительные зеленоватые глаза и милые, можно сказать, детские черты лица. Чуть курносый носик, пухлые губки и румянец во всю щеку. Но что-то подсказывало Балту, что Настя не так проста, как кажется.

Девушка попыталась поднять один из чемоданов. Балт тут же подошел и предложил:

– Вам помочь?

– Да, только я не знаю, куда это нужно нести... – проговорила Настя.

Эмир, очевидно, услышал, потому что резко прервал свой разговор с профессором и обратился к Балту:

– Да, им нужно помочь! У тебя всего рюкзак, а у них видишь сколько. Я термосы сам заберу... – начал он.

– Куда, куда заберете? – заволновался профессор.

– Да я сразу в лабораторию их отнесу. А вы поднимайтесь на второй этаж и располагайтесь. Там две комнаты свободны. Или вы вместе будете жить? – уточнил он, кивая на Настю.

– Да вы что! – возмутилась Настя.

– Ну, как хотите, мое дело предложить... – пожал плечами Эмир.

– А мне тоже туда заселяться? – спросил Балт.

– Нет, ты будешь жить там, где живет охрана, – пояснил Эмир.

– Это где? – уточнил Балт.

– Я вернусь и покажу, – пообещал Эмир и, взяв серебристые, похожие на бидоны емкости, направился к одному из ангаров, откуда ему навстречу уже шли двое в защитных костюмах.

– Подождите, я с вами! – воскликнул профессор.

– Нет, – вежливо, но твердо отказался Эмир.

Боевики, которые привезли москвичей на территорию базы, тем временем отошли к забору и, присев в тени, говорили о чем-то своем. Балту показалось идеальным именно сейчас завязать контакт с Настей.

Настя же сама, взяв еще одну сумку, попросила Балта:

– Пошли поскорее, а то я так устала и помыться хочу с дороги. Песок прямо на зубах скрипит!

– Пошли, – кивнул Балт, отметив, что профессор так и не отстаёт от Эмира.

Когда они, открыв двери с массивной ручкой, вошли в здание, их окутала приятная прохлада.

– Ух, слава богу, а то я думала, это никогда не кончится, – покачала головой Настя и, бросив оценивающий взгляд на дремлющего у стола охранника – молодого парня славянской внешности, добавила почти шепотом: – Нам придется с вами контактировать, Балт.

Балт искренне удивился: таких юных связных у него никогда не было. Но тут же взял себя в руки и спросил:

– У вас есть связь?

– А вам она уже нужна? – удивилась Настя. – Вы же только что приехали.

– Да, и срочно, – сказал Балт.

– Хорошо, я что-нибудь придумаю, – кивнула Настя и, уже поднимаясь по лестнице, уточнила: – Что именно вы хотели бы передать?

– Санаторий Министерства торговли СССР «Путь Ильича», – ответил Балт.

По тому, что Настя ничего не переспросила, Балт сделал вывод, что она не такой уж новичок или хорошо обучена. Переспрашивать, уточнять, просить повторить в их деле смерти подобно.

А Настя лишь кивнула:

– Все поняла.

Когда они поднялись на второй этаж и дежурившая там за столиком смуглая, похоже, местная женщина, кивнув им в ответ на приветствие, попросила подождать, пока она все приготовит, их наконец догнал профессор. Он тащил чемодан на колесиках со своими вещами и был, видимо, недоволен тем, что Эмир не пригласил его сразу в лабораторию.

– Ничего, лучшие экземпляры все равно у меня остались в Москве, – как бы сам себе пробормотал он, но, взглянув на Настю, вдруг добавил: – Правда, Настя?

– Что «правда»? – переспросила та.

– Ну, что лучшие наши с тобой муравьи-комарики остались в Москве, в той замечательной чудо-баночке, которую я привез из Китая...

– Подождите, Леонид Прокофьевич, но вы же сами вчера сказали, чтобы я забрала эту чудо-баночку с собой... – удивилась Настя.

– Когда?! Когда я мог тебе такое сказать?! – возмутился профессор.

– Да вы вчера вечером выпили свою порцию виски, может, чуть больше, чем обычно, и сказали мне, чтобы я не забыла взять с собой китайскую чудо-баночку...

– Может, я хотел, чтобы ты взяла ее пустую. Чтобы мы отсюда каких-нибудь букашек привезли...

– Откуда я знаю, что вы имели в виду, – пожала плечами Настя. – Я сделала то, что вы меня попросили.

– И что, ты, значит, привезла сюда комариков?

– Да, получается, привезла.

– И где они?

– У меня в чемодане.

– Никому не говори, – чуть понизив голос, прошепел профессор и метнул испытующий взгляд на Балта.

Весь разговор происходил в фойе второго этажа. Настя с профессором стояли у окна. А Балт присел в кресло и сделал вид, что задремал.

Убедившись, что Балт не проявляет к их разговору никакого интереса, профессор заговорил:

– Настя, я вас очень прошу, сберегите этот материал. Вы же знаете, я здесь задерживаться не могу. Мне завтра придется лететь в Москву на Международную научную конференцию. Вы здесь останетесь одна. Очень вас прошу, сберегите этот материал. Я вернусь и скажу, что будем с ним делать. Что-то я не верю этому, как он теперь просит себя называть, Эмиру. Когда-то он был одним из лучших учеников профессора Чижикова. Его, кажется, Эдуардом звали. Да-да, вспомнил. Эдуард Мирзоев. Он из этих мест. Мама русская. А отец местный. Мне профессор Чижиков о нем рассказывал. Он когда-то отдыхал в этих местах. И, гуляя, нашел этих летучих кровососущих муравьев. Несколько взял с собой в Москву. Но сохранить удалось всего одного. У женщины, что работала в санатории, был толковый сын, который интересовался биологией, и за летучими муравьями они наблюдали вместе с ним. Профессор написал письмо, попросил, чтобы, когда будет ехать в Москву (парень как раз поступать в университет собирался), захватил для него нескольких особей. Но парень приехал ни с чем. Муравьи исчезли из тех мест. Вообще-то, что там произошло – неизвестно. Больше нигде в мире такие муравьи-комарики не встречаются. Уникальный вид. Эдуард поступил учиться. И мы все вместе проводили опыты, мозговали, как их размножить. Ты пришла ко мне, когда этих комаров уже было достаточно. И этот Эмир, когда после смерти Чижикова решил уехать из Москвы на родину, думаю, захватил с собой этих комаров. Я слышал, что он потом за границей изучал микробиологию, гематологией, кровью занимался. В общем, специалист широкого профиля. Я таких, знаете ли, милочка, побаиваюсь... Не доверяю я таким. Поэтому и прошу: то, что у вас в чемодане, берегите как зеницу ока. Лучше достаньте и спрячьте куда-нибудь. Потому что вещишки наши в наше отсутствие как пить дать прошерстят.

Балт понял, что профессор не соизмерял громкость своей речи с гулявшим по коридорам эхом. Ему казалось, что он делится информацией лишь с Настей. Похоже, Балта он вообще не брал в расчет.

Наконец дежурная вернулась и молча подала Насте и профессору ключи от их номеров.

– А может, Настенька, все-таки в одном номере поселимся? – попытался пошутить профессор и, взяв девушку за руку, окинул ее сальным взглядом.

Настя покраснела и вырвала руку.

Тут к ним неслышно подошел Эмир.

– Ну как устроились? – спросил он у профессора.

– Да вот только идем устраиваться, – сказал тот.

– Ну, располагайтесь, отдыхайте, а я вот человека провожу и вернусь.

– Имейте в виду, мне завтра в Москву лететь нужно, на конференцию. Так что, если хотите у меня о чем-то спросить, посоветоваться, у вас не так уж много времени... – заметил профессор.

– Я знаю, – кивнул Эмир, – вернусь и все вам покажу.

– Ой, а можно, мне этот молодой человек вещи в номер отнесет? – вдруг заигрывая с Балтом, проворковала Настя.

– Пусть отнесет, – пожал плечами Эмир и, очевидно заметив, что Настя флиртует, добавил: – Только какой же он молодой, это я молодой, а он-то постарше. И, в отличие от меня, семейный.

Балт сделал вид, что не услышал или не понял, о чем речь. Но про себя отметил, что Эмир знает о нем довольно много. Иметь не одну, а несколько легенд, быть человеком с двойным дном очень сложно. Но, как убедился Балт, это безопаснее, чем вступать в игру лишь в одной ипостаси. И теперь, когда он устраивался сюда охранником, через Интернет от его имени, конечно же, была послана его биография. Максимально нейтральная. Женат. Есть дети. Владеет русским, литовским, латышским, английским языками и всеми видами оружия. Силен, вынослив. Принимал участие в боевых действиях на стороне чеченских борцов за свободу. Зарекомендовал себя как отличный боец.

Но кто-то здесь воспринимал его и как посланца Москвы, агента, способного помочь в осуществлении какой-то конкретно поставленной задачи, никак не связанной с существованием лаборатории и опытами. И этот кто-то должен выйти на него обязательно.

Балт понимал, что главная задача, которую он должен здесь выполнить, – это выяснить суть проводимых здесь экспериментов и связь лаборатории и ее сотрудников с Москвой. Надо начать копать траншею с двух концов. А для этого в Москве должны как можно скорее узнать местонахождение лаборатории и имя профессора, который приехал сюда с юной помощницей. Хотя и с ней, этой Настей, стоит быть предельно осторожным. Ведь даже в ГРУ разные отделы, случается, ставят перед собой разные задачи.

Тем временем они с Эмиром вышли из главного здания и по асфальтированной дорожке подошли к стоящему поодаль, у самого забора, длинному, похожему на барак, одноэтажному, недавно отштукатуренному и выкрашенному в желтый цвет дому.

– Ты молчун. Это хорошо, – вдруг отозвался Эмир. – Я не люблю болтунов. Потому попросил, чтобы мне в качестве охранников присылали прибалтов.

Двери были заперты на ключ. Он отпер их, и они вошли в здание, которое действительно было похоже на барак или казарму, где вдоль длинного коридора располагалась целая вереница дверей.

– Сейчас все на дежурстве или в отгуле, поэтому никого нет, – опередил возможный вопрос Эмир. – Вот в этом отсеке еще никто не живет. Так что выбирай любую койку. Удобства на улице. Баня раз в неделю. Кормежка три раза в столовой. Она сбоку за главным зданием. Через какое-то время приедут еще несколько человек. А пока что можешь жить в комнате один. Ты со всеми хочешь или один?

– Один, – кивнул Балт, осматривая комнату с десятью незастеленными железными кроватями со свернутыми тюфяками.

– Белье возьми в шкафу, отдыхай. Надо будет заступить в ночь. Я скажу, сменишь пост номер один.

Балт кивнул.

Оставшись один, он присел на кровать и задумался. Спать не хотелось. Хотя, если предстояло ночное дежурство, нужно обязательно отдохнуть. Ночь была идеальным временем исследовать все, что расположено на территории базы. То, что Эмир сразу ставит его на ночное дежурство, можно расценить как знак доверия или, во всяком случае, свидетельство того, что на базе не хватает бойцов. Но не стоило исключать и тот вариант, что за ним будут наблюдать. Ночь для проверки тоже ведь идеальный вариант. Поэтому стоит быть предельно осторожным. Сейчас необходимо передать в Москву ту информацию, какой уже владел. И здесь без Насти не обойтись.

И тут, будто по мановению волшебной палочки, Настя собственной персоной появилась на пороге его комнаты. Уже войдя, девушка вежливо постучала и тихо спросила:

– Можно войти?

Балт кивнул и встал ей навстречу.

– Я сейчас буду показывать концерт с истерикой. В общем, для того, чтобы якобы маме, которая к новому хахалю жить перебралась, послать телеграмму. Думайте, что и как писать. Шифруйте. Буду бить на жалость. Чтобы нас выпустили на почту. Но если не получится, хотя бы текст им отдам, – вполголоса сказала Настя и протянула Балту тетрадь и ручку: – Вы напишите, а я перепишу. Да, и еще. Я буду к вам клеиться. Вы не смущайтесь. Подыграйте мне. Так надо.

Балт на минуту задумался, а потом, надеясь на то, что Муму сможет «считать» информацию, написал свой домашний адрес, где должен жить или хотя бы бывать Муму, и несколько строк: «Мамочка. В пути меня не тошнило. Ленины таблетки помогли. Санаторий советский.

Торгуют здесь всем. Так что не голодаю. Профессор Леонид Прокофьевич со мной вежлив. Не пристаёт. Занимаемся муравьями-комарами и микробиологией. Живем в горах. Твоя Настя».

Настя перечитала и, покраснев, спросила:

– А может, о том, что профессор не пристаёт, не стоит?

– Это, моя дорогая, как говорят киношники, десять метров бегущей собачки.

– Как это? – не поняла Настя.

– Ну, в брежневские времена, когда важные дяденьки из Министерства и ЦК приходили принимать фильм, они по долгу службы должны были что-то вырезать из фильма. Ну вот, смотрят они смотрят фильм, а там вдруг ни к селу ни к городу собачка бежит. Они и спрашивают у автора: «А собачка здесь к чему?» Режиссер с готовностью отвечает: «Собачка? Хорошо, вырежем». А остальное же остается! И если твоя телеграмма попадет им в руки и они вырежут про горы, профессора, начало-то останется. Только ты не требуй, чтобы слово в слово передали. Тогда, глядишь, и передадут слово в слово.

Настя аккуратно переписала текст, а Балт, когда она ушла, сжег свой черновик, а пепел высыпал в окно.

Оставалось надеяться, что хотя бы часть информации дойдет до Муму и Муму сможет ее расшифровать.

Не закрывая окна, Балт расстелил постель, разделся и, поскольку Настя не возвращалась и его помощь, скорее всего, не потребуется, лег спать.

За долгие годы службы он привык ценить сон и использовал малейшую возможность, чтобы выспаться. Это нужно было не только для поддержания физических сил, но и для того, чтобы привести в порядок мысли. Впечатления, обрывки услышанных разговоров, факты, находясь в состоянии постоянного движения, трудноуловимы для разума. Если хочешь извлечь из всей полученной информации пользу, необходимо хотя бы на некоторое время отключиться от внешнего мира, и тогда они сами по себе могут составить правильные комбинации.

Проснулся он оттого, что почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Это была Настя. Она держала в руках листок из тетради и, помахивая им, улыбалась.

– Я прошу прощения, что разбудила. Но нас с вами везут на почту, – сказала она, едва сдерживая радость.

– Нас с вами? На почту? – удивился Балт.

– Да-да, представьте себе... я закатаю Эмиру истерику, сказала, что, если моя мама сегодня же не получит телеграмму, отчим поставит на уши всю Москву. Они вычислят, где я нахожусь. И завтра сюда прилетят вертолеты. Он согласился, что лучше послать телеграмму. Но сам он отлучиться не может, потому что профессор здесь всего на сутки. Послать некого. Одну меня тоже отправлять страшно. И тогда он вспомнил о вас. Вот я пришла вас уговаривать. Он, кстати, как вы и говорили, десять метров бегущей собачки вырезал.

– Имей в виду, будет кому проверить, так или не так ты передала информацию. Если восстановишь текст, значит, это может быть шифровкой; если нет, то могут спустить на тормозах. И что-нибудь в Москву дойдет, – сказал Балт и попросил: – Ты выйди, я оденусь.

Настя кивнула и вышла за двери.

Когда они подошли к воротам, где их ждал тот самый черный джип и Эмир, Настя просто светилась от радости.

– Я уговорила! Я уговорила его! Он поедет со мной! – сообщила она Эмиру.

Балт же, сделав недовольное лицо, вздохнул:

– Мы так не договаривались. Если дежурить в ночь, мне выспаться нужно.

– Я понимаю, – кивнул Эмир, – но она не хочет с местными ехать. Бойтся.

– Что, завтра нельзя было эту телеграмму дать? – продолжал ворчать Балт.

– Говорит, нельзя. Отчим или там мамин любовник всю Москву на уши поставит и сам на вертолете прилетит... – пожал плечами Эмир.

– А далеко здесь до почты? – поинтересовался Балт.

– За пару часов управитесь, – сказал Эмир.

– Ладно. Поехали, – как бы нехотя кивнул Балт.

А Настя тут же бросилась его обнимать.

– Оружие у меня будет? Или мне ее голыми руками прикажете защищать? – спросил Балт.

– Оружие будет у водителя, у Джамала. А тебе выдадут, когда вернетесь.

Балт кивнул и уточнил:

– Глаза завязывать?

– Можете не завязывать, – махнул рукой Эмир. – Джамал все равно так вас повезет, что вы ничего не запомните.

Балт хотел сесть на переднее сиденье. Но Эмир покачал головой:

– Нет, оба садитесь сзади.

В поселок или небольшой городок, где находилась почта, они приехали часа через полтора, изрядно попетляв перед этим по горным дорогам. Настя, не то разыгрывая перед водителем роль влюбленной в охранника девушки, не то и правда флиртуя с Балтом, при резких поворотах то и дело падала к нему то на колени, то в объятия.

Молчавший всю дорогу водитель, чернобородый невысокий коренастый мужчина в камуфляже, Джамал, когда они подъехали к небольшому каменному зданию с надписью «ПОЧТА», вдруг спросил:

– Вы сами справитесь?

– Надеюсь, а что?

– Ладно, я вас заведу, объясню, что вам телеграмму нужно дать, а сам... Ну, надо мне... Тут... К жене, – объяснил Джамал.

Балт только пожал плечами.

На почте никого не было. Джамал тут же начал что-то объяснять по-своему сидящей за окошком девушке. Балт, прислушавшись, понял, что он просит ее, если они захотят что-то вставить в текст или будут звонить и посылать что-то еще, обязательно ему потом сказать. Девушка кивнула.

Когда Джамал ушел, Балт взял бланк, Настя своей рукой написала текст и отдала в окошко. Они расплатились и вышли на улицу.

Ни джипа, ни Джамала на улице не было. Зато рядом располагалось кафе с романтическим названием «Горная козочка». Людей там не было. И они устроились за одним из покрытых белыми скатертями столиков так, чтобы можно было наблюдать за улицей, где мог припарковаться джип, и смотреть подвешенный на стене телевизор, где, как понял, взглянув на часы, Балт, после рекламы должны были начаться вечерние новости.

Через пару минут к ним подошла вежливая черноволосая смуглянка с точеной фигуркой и огромными, чуть печальными карими глазами.

– Вам меню? – спросила она, поправляя свой белый фартучек.

– Думаю, два кофе, – предложил Балт, взглянув на Настю.

– Мне только без сахара, – предупредила она.

– Два кофе без сахара, – сказал Балт.

– У нас только растворимый, – предупредила, очевидно, разочарованная, официантка.

– Хорошо, – кивнул Балт.

– А кушать будете? – не успокаивалась девушка.

– Боюсь, не успеем, – покачал головой Балт. – Кажется, и кофе вашего растворимого попробовать не успеем, – добавил он, заметив, что джип уже подъезжает к почте.

– Как? – испугалась девушка, чувствуя, что ускользает даже маленький заказ.

– Да вот так, – вздохнул Балт, поднимаясь.

Настя тоже хотела встать, но тут они оба застыли, не отрывая взгляда от экрана.

Выпуск вечерних новостей начался с тревожного сообщения, которое никого, а тем более их, не могло оставить равнодушными.

– Уважаемые граждане! – говорила диктор, с трудом сдерживая эмоции. – Передаем экстренное сообщение. Сегодня утром в московском метро была предотвращена попытка террористического акта. В одном из вагонов была обнаружена стеклянная банка с необычными, редкими насекомыми.

После этого на экране появился компьютерный рисунок.

– Да это же наши крылатые кровососущие муравьи! Как они туда попали?! – удивленно произнесла Настя.

– Уважаемые граждане, если вы у себя в подъезде, квартире или просто на улице обнаружите подобных насекомых, немедленно сообщите по телефону горячей линии.

Сразу же на экране появились телефоны.

– И очень просим вас, будьте бдительны, сами не предпринимайте никаких мер, не берите насекомых в руки, – продолжала диктор. – О ходе расследования мы сообщим дополнительно. А теперь о других новостях.

– Вам не кажется, что они о чем-то не договорили... – побледнев, сказала Настя. – Я ничего не понимаю... Ведь мы весь материал привезли сюда. Каким образом эти насекомые оказались в метро? Они были только у нас в лаборатории... Хотя... Профессор что-то говорил о том, что Эмир мог, уезжая сюда из Москвы, взять нескольких особей с собой. Но в Москве... Как они могли оказаться в Москве?..

– Настя, возьмите себя в руки, – попросил Балт. – Пойдем, нужно возвращаться на базу.

Когда они вышли из кафе, водитель уже успел заглянуть на почту и в тревоге осматривался, куда они могли деться.

– Здесь, здесь мы, не волнуйся! – крикнул ему Балт.

Джамал с облегчением вздохнул.

А Настя, сев в машину, все еще встревоженная и бледная, приговаривала:

– Как же так? Как же так...

Глава 6

После долгого и мучительного разговора с напавшим на него в квартире Плетнева человеком Дорогин понял одно: его визит никак не связан с сегодняшним заданием Плетнева. Посланец Закавказья взялся разыскивать родных Плетнева по личной инициативе, из соображений кровной мести, чтобы отомстить за погибших по вине Плетнева родственников. В любом случае его стоило на некоторое время нейтрализовать. Милиция, ГРУ, военные, обратиться сейчас к ним Дорогин, начали бы задавать массу совсем ненужных вопросов. Отняли бы дорогое, слишком дорогое время. И поэтому Дорогин, он же Муму, решил воспользоваться старым проверенным советом: нет лучшего способа нейтрализации противника, как пустить его по ложному следу. Дорогин придумал довольно хитрый ход. При этом, как ему показалось, смог убить сразу двух зайцев. Дезинформацию должен получить не только забравшийся в квартиру «герой», но и тот, кто прослушивает домашний телефон Плетнева. А в том, что его прослушивают, Дорогин не сомневался.

Когда, как нельзя кстати, на домашний телефон позвонила какая-то женщина и, назвавшись школьной подругой жены Плетнева, спросила, не знает ли он, где сейчас Леночка с детьми, Дорогин, прикрыв дверь в комнату, где находился закавказский мститель, и сделав вид, что понизил голос, а на самом деле, как обычно, в полный голос сказал:

- Только очень прошу вас: никому не сообщайте. Она улетела в Нью-Йорк...
- К Люське Синельниковой? – отозвалась женщина.
- Да, к Люське Синельниковой, – сам не зная почему, подтвердил Дорогин.
- Спасибо, я как раз туда же собираюсь, – сказала женщина и повесила трубку.

Когда Дорогин вошел в комнату, неожиданный гость внимательно изучал брошенную на пол записную книжку.

Дорогин немного подождал, потом забрал ее у него и понял, что тот отыскал-таки и наверняка запомнил нью-йоркский адрес Люськи Синельниковой.

Теперь осталось помочь этому гостю сбежать. То есть дать такую возможность, чтобы мститель думал, что смог убежать, узнав, где искать семью своего врага.

– Мне нужно сходить в магазин, – сказал Дорогин и добавил: – Убегать я тебе не советую. Консьерж внизу предупрежден. Дождись, и я гарантирую тебе свободу. Лучше выпишись, пока я приду.

Дорогин понимал, что, как только он уйдет, неожиданный гость поспешит убежать. Ход через крышу и соседний подъезд открыт. И скорее всего, сам или через своих он будет искать семью Плетнева в Нью-Йорке. Тем же займутся и те, кто прослушивает телефон. Хотя бы на первое время он отвел опасность.

Похоже, только выйдя на улицу, Дорогин понял, что почти сутки провел в квартире Плетнева. Он действительно зашел в ближайший магазин: нужно было купить что-нибудь перекусить. Но когда Дорогин зашел в соседний супермаркет, он с удивлением заметил, что народ, включая продавцов, толпится в отделе, где стоят несколько телевизоров. Начинался выпуск новостей.

– Уважаемые граждане! – говорил диктор. – Вчера в московском метро была предотвращена попытка террористического акта. В одном из вагонов была обнаружена стеклянная банка с необычными, редкими насекомыми.

На экране появился компьютерный рисунок.

И Дорогин с удивлением узнал насекомое, которое видел в банке из рюкзака, найденного у себя в подъезде. Его потом забрал студент.

– Уважаемые граждане! – продолжал диктор. – Если вы у себя в подъезде, квартире или просто на улице обнаружите подобных насекомых, немедленно сообщите по телефону горячей линии.

На экране появились телефоны.

– И очень просим вас: будьте бдительны, сами не предпринимайте никаких мер, не берите насекомых в руки, – продолжал диктор. – О ходе расследования мы сообщим дополнительно. А теперь о других новостях.

– Они опять все скрывают! – возмутилась пожилая женщина в противогриппозной повязке и синей беретке. – Я сама была в этом вагоне.

Люди, оторвавшись от экрана, сразу повернулись к ней.

– Эти крылатые муравьи кусаются, – продолжала она. – И что-то такое пускают в кровь, что человек сразу умирает. Сгорает просто на глазах. Кашляет, задыхается, кровь изо рта идет и все... Даже милиционер. На моих глазах даже милиционер умер... Это точно диверсия, теракт. Я теперь вообще в метро спускаться боюсь. Я уверена, это с Кавказа их завезли. Из Чечни или Грузии. У нас такие не водятся...

– Мне тоже знакомая рассказывала. Такая паника там была. Поезда не ходили. И теперь всех так в метро трясут... – отозвалась женщина в яркой цветастой косынке.

– Ну вот, только власть сменилась, и началось... – проговорил пожилой мужчина в шляпе и светлом плаще.

– Неужели опять начнется?! Только-только улеглось, и опять... – отозвался женский голос.

– Да. Путин страну в железном кулаке держал. Он как говорил? Мочить их всех в сортире надо, боевиков этих. И все дела. Его они боялись! А теперь почувствовали слабинку. С ними нельзя по-культурному...

– Сталина на них нет!

Люди были возбуждены, взволнованы и, хотя по телевизору уже давно передавали другие новости, не расходились, продолжали обсуждать то, что услышали вначале. В утренние часы в магазине было мало молодежи, в основном пенсионеры, люди пожилые и мнительные. Дорогин наблюдал за всем, отойдя в сторону, прислушиваясь к тому, о чем говорили люди, и старался сразу анализировать информацию. Его память была так натренирована, что сама высвечивала важные факты. Сейчас ситуация складывалась таким образом, что он должен был не только как можно быстрее проанализировать то, что происходит, но и начать действовать, не рассчитывая ни на чью помощь.

Кто-то верно подметил, что коллективное сознание иногда само по себе моделирует развитие и общества, и отдельно взятого индивидуума. И сейчас Дорогин, сопоставив факт неслучайно появившихся в Москве летучих муравьев, которые смертельно опасны, с несколькими запавшими ему в память как бы вскользь брошенными фразами Плетнева и домыслами собравшихся в магазине людей, понимал, что они недалеки от истины. Действительно, дестабилизацию обстановки могут спровоцировать и чиновники, которые с приходом новой власти остались не у дел.

Только чуть-чуть улеглось в Закавказье, куда ему тоже приходилось выезжать в роли «пожарника» в самые трудные времена, и вот опять может из искры возгореться пламя. Да еще какое! Ведь от раздражения до национальной ненависти один шаг. Пожар уже разгорается. И те, кто подливает масла в огонь, уверены, что тушить его народ позовет опытного пожарного, то есть того, кому уже однажды удалось уладить конфликт, снять военное напряжение. И даже если сразу высшее руководство не сменится, те, кто сегодня у власти, обязательно вспомнят о тех бойцах «невидимого фронта», военных чиновниках, которые уже не раз помогали разрулить взрывоопасную ситуацию в Закавказье. Ведь ни для кого не секрет, что военных специалистов, как только устанавливается мир, как правило, «уходят» на пенсию. А им так хочется

еще порулить. Не только дачной газонокосилкой, пусть и недалеко от Рублевки, но и танком, какой-нибудь секретной операцией, а то и всей армией или всей страной. Так что московский след, который будет искать Плетнев на Кавказе, возможно, начинается где-то на подмосковных дачах. Кому-то из бывших пришла мысль «попугать» москвичей, может, и деньги боевикам дали на смертельные эксперименты.

Дорогин, занятый своими мыслями, чисто механически положил в корзину батон, масло, сыр, колбасу, помидоры, майонез, чай и кофе, вернулся в плетневскую квартиру, приготовил себе в микроволновке горячие бутерброды, заварил зеленый чай и, присев перекусить, включил телевизор. И тут, будто в подтверждение его мыслей, диктор, повторив в экстренном выпуске новостей всю прежнюю информацию, показав не компьютерного, а реального летучего муравья, попросив россиян и особенно москвичей быть бдительными, вдруг добавил:

– Мы попросили прокомментировать ситуацию одного из ведущих специалистов Московского научно-исследовательского института микробиологии доктора биологических наук Павла Николаевича Литвинова.

Дорогин про себя отметил, что странным выглядит комментарий о насекомых специалиста по микробиологии. Похоже, действительно появившиеся в Москве насекомые разносят какую-то заразу.

И тут его как током ударило! Ведь сутки назад он сам держал в руках стеклянную банку с таким, возможно, зараженным муравьем.

А между тем профессор Литвинов, седой подтянутый мужчина в очках и белом халате, как и полагается быть специалисту по микробиологии, стараясь сохранять спокойствие, произнес латинское название необычного насекомого, заявил:

– Экземпляры насекомых доставлены в Московский институт микробиологии. Как утверждают мои коллеги, летучие кровососущие муравьи обитают лишь в одном из регионов Закавказья. Как и почему они вдруг появились в Москве, сейчас изучается. Мы со своей стороны ведем тщательное исследование на предмет возможного переноса этими насекомыми каких-то вирусных инфекций. Если факт наличия болезнетворных бактерий подтвердится, наши специалисты немедленно разработают сыворотку для инъекций с антивирусной вакциной для лечения и профилактики возможного заболевания.

– По Москве ходят слухи... – начала молодая корреспондентка.

– Я знаю, – оборвал ее профессор, – слухи абсолютно беспочвенны. Тот материал, который мы исследовали, не дает оснований говорить о переносе какой-то инфекции. Два человека, которые умерли якобы от укусов насекомых, имели серьезные проблемы со здоровьем. Один, кажется, был сердечник, другой вообще страдал от сахарного диабета. Духота, давка, возможно, стресс спровоцировали их гибель.

– Россияне могут быть уверены в том, что, как только возникнет реальная опасность применения террористами биологического оружия, они будут оповещены? – не унималась корреспондентка.

– Конечно, – кивнул профессор. – Но сейчас ни о каком биологическом оружии речи не идет. Мы вместе с нашими коллегами занимаемся изучением феномена появления в Москве этих насекомых. И поэтому просим всех, кто обнаружит их, немедленно сообщать на телефон горячей линии.

– Может быть, стоит давить их или, например, поливать кипятком?.. – сказала корреспондентка.

Но профессор в своем стремлении успокоить был непреклонен:

– Девушка, не говорите глупостей. Это живые существа. Их не нужно вообще трогать. Просто сообщите на горячую линию.

На экране тут же появился телефон горячей линии.

А Дорогин подумал о том, что ничто так не раздувает панику, как звучащие с экрана слова успокоения. Народ давно привык, что чем активнее начинают успокаивать, тем более страшные факты стараются скрыть.

После такого заораживающе спокойного интервью с профессором микробиологии создавалось впечатление, что здесь что-то нечисто. И ведь прозвучала же с экрана пусть и вскользь сказанная профессором, но несомненно уловленная всеми россиянами фраза о том, что эти насекомые обитают в Закавказье. Так что искра, из которой может разгореться пламя, брошена.

Дорогин понимал, что в сложившейся ситуации сидеть сложа руки он не имеет морального права.

Если верить очевидцам (а в магазине, похоже, действительно были очевидцы, а не те, кто по заданию спецслужб распускает слухи и раздувает ситуацию), в одном из вагонов метро была специально или случайно разбита стеклянная банка с неизвестными насекомыми – летучими кровососущими муравьями, после укуса которых несколько человек умерло в страшных муках прямо на глазах у толпы. Страшно представить. Как чувствовали себя те, кто ехал в этом вагоне или вагонах... Если по телевидению дали телефон горячей линии и просят сообщать о летучих муравьях, если они будут найдены в домах, подъездах, квартирах, значит, у спецслужб есть предположение, а может, и факты.

Да что далеко ходить, он сам видел подобное насекомое у себя в подъезде. То есть масштаба этого теракта или диверсии в данный момент не знает никто. Ведь насекомые не просто разносят заразу, они еще размножаются. То есть их количество возрастает.

Если предположить, что Плетнев отправился в командировку как раз в связи с этими муравьями, значит, отправили его слишком поздно... Или... для того, кто его отправил, важнее было выявить связь секретной лаборатории с Москвой. Так или иначе, времени на раздумья не было.

Дорогин, еще раз обдумав всю ситуацию, понял, что судьба дала ему в руки карт-бланш. И начинать стоит с того студента, который забыл в их подъезде рюкзак. Поэтому Муму решил вновь оседлать своего железного друга.

Но, выходя из подъезда, он на всякий случай решил проверить почту. Заглянул в почтовый ящик и, кроме обычных ярких, лоснящихся рекламных листовок, обнаружил телеграмму.

Чтобы не смущать пристально взглянувшего на него вахтера, Муму решил прочитать телеграмму на улице. Текст ее кому-то показался бы более чем странным. Но Дорогин понял сразу, что это шифровка, отправленная Плетневым. А в ней информация, которая нужна не только и не столько ему, Дорогину, сколько тому, кто курирует операцию. У Плетнева на одном из почтовых отделений был свой ящик, который теперь его непосредственный куратор проверяет два, а то и три раза в сутки. Ящик этот Дорогин знал еще со времени их совместной командировки. Поэтому первое, что он должен был сделать, прежде чем начать свое собственное расследование, – это доставить телеграмму в почтовый ящик Плетнева, чтобы вечером его куратор мог забрать ее. Однако Муму понимал, что текст Плетнева вряд ли кто расшифрует быстрее, чем он. Ведь им не раз приходилось составлять шифровки. Муму, как никто, знал, как именно любит шифровать его соратник. Поэтому Муму не поехал сразу на почтовое отделение, где был почтовый ящик, а, зайдя в соседнее кафе и заказав кофе, еще раз перечитал телеграмму:

«Мамочка. В пути меня не тошнило. Ленины таблетки помогли. Санаторий советский. Торгуют здесь всем. Так что не голодаю. Профессор Леонид Прокофьевич со мной вежлив. Твоя Настя».

Плетнев, похоже, сообщал свое местонахождение. Если он начал телеграмму со слова на «М», значит, местонахождение нужно искать в первых словах. Получалось, он находится в «пути Ленина», то есть в «Пути Ильича». И это не колхоз, а санаторий советский. И из

Москвы туда приехал некто профессор Леонид Прокофьевич. И еще там есть какая-то Настя. Подумав, Муму решил облегчить работу куратору Плетнева и написал с другой стороны телеграммы: «Бывший советский санаторий “Путь Ильича”». О профессоре Леониде Прокофьевиче он ничего не написал, потому что сам не до конца понял, к чему эта информация.

Допив кофе, Дорогин, поймав несколько восторженных взглядов сидящих в кафе девушек, которых завораживал его байкерский прикид и мотоциклетный шлем, вернулся к подъезду Плетнева, сел на мотоцикл и направился сначала к почтовому отделению, где находился ящик для секретной информации Плетнева.

Машин и людей на улице было немного.

Может, это время было такое, послеобеденное, а может, действительно москвичи и гости столицы, напуганные эпидемией нового свиного гриппа и появившимися в Москве неизвестными насекомыми, старались лишний раз не выходить на улицу. Во всяком случае, до почты, по случайному совпадению расположенной неподалеку от его собственного дома, он добрался без приключений. Своего железного коня Муму припарковал у подъезда.

Не снимая шлема, Муму зашел на почту, вбросил телеграмму в почтовый ящик и отправился к себе домой. Он давно заметил, что иногда полезно хотя бы на несколько минут сбавить ритм и пройтись пешком. За последние сутки он ведь в буквальном смысле был втянут в водоворот событий, новые факты наслаивались один на другой, не давая ни малейшего шанса включить интуицию, или, как любил говорить один из его друзей, дальнюю память.

Кто-то из умных людей очень верно подметил, что главное в музыке не сама мелодия, а паузы. Ведь когда звучит музыка, у человека активно работает слух. А во время паузы каждый по-своему реагирует на то, что услышал.

Можно считать, что несколько минут, которые понадобились Муму, чтобы дойти от почты до своего дома, и были той паузой, когда из событий, фактов, воспоминаний начала складываться целостная картина. В одном из дворов, через которые проходил Муму, росли клены, и, как ни старались дворники, вся дорожка была засыпана золотой и оранжево-огненной опавшей листвой. Муму почему-то вспомнил, как во время совсем недавней поездки с друзьями на шашлыки один из его приятелей, Генка Прохоров, рассказывал, что такой же осенней порой в аварии «Невского экспресса» погиб кто-то из его близких. Гуляя с Дорогиным по шуршащей осенней листве, Генка вдруг понизил голос и сказал:

– Никакие это не террористы, я уверен! Это какой-то псих взорвал тогда поезд...

– Почему ты так думаешь? – удивился Дорогин, которому кто-то рассказывал, что этого поседевшего молодого человека отлучили от ведения дела из-за его неадекватности. И будто бы он даже лечился в психбольнице.

– А я когда лежал в психушке, вы же все знаете, что я лежал в психушке, – проговорил он, снова понизив голос. – Так вот, когда я лежал в психушке, к нам привезли одного больного – фаната фильма «С легким паром!». Он его смотрел-смотрел, а потом начал жить по этому фильму. И он все время читал вот эти стихи:

*С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них...*

Помните, там дальше было:

*Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуснал,
Когда вагон на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,*

*Когда вагон на скользком спуске
От рельс колеса оторвал...*

– Ну и что? – спросил Дорогин.

А Прохоров вдруг еще тише прошептал:

– Этот псих читал стихи, а потом вдруг оборвал все и закричал: «Я сделал это! Я сделал! Йес! Йес! Йес! От рельс колеса оторвал!»

– Может быть. Все может быть, – произнес тогда Дорогин, ускоряя шаг, чтобы поскорее вернуться к мангалу.

Он отлично понимал, что с теми, у кого проблемы с психикой, лучше не спорить. А нервная дрожь, которую излучал несчастный Прохоров, свидетельствовала о том, что он до сих пор не избавился от своей навязчивой идеи фикс.

Но почему-то сейчас в словах Прохорова Муму усмотрел рациональное зерно. Ведь всякому, кто начинает мстить отдельно взятому человеку или целому народу, всегда требуется психиатрическая экспертиза. И в случае с этими летучими муравьями наверняка есть кто-то, кого сжигает жажда мести. Но его покрывает, направляет, возможно, даже спонсирует еще один или даже несколько людей, обуреваемых жаждой власти.

Разве придет здравомыслящему человеку в голову в центре европейского континента, в одном из крупнейших городов мира применить биологическое, даже точнее, микробиологическое оружие в виде зараженных крылатых муравьев?!

Всякий здравомыслящий человек понимает, что остановить размножение насекомых невозможно. Везде пишут о том, что они, как и вирусы, и простейшие, научились приспосабливаться к любым условиям, даже химикаты их порой не берут. Взять тех же тараканов, от которых в девяностые было не избавиться. Только выпусти этого джинна из бутылки, и он начнет жить своей собственной жизнью. А если начнут размножаться зараженные какой-то болезнью насекомые, их колонии в большом городе могут стать оружием страшнее ядерного. Значит, не только твои близкие, но и ты сам будешь находиться в смертельной опасности. Может, у того, кто выпустил насекомых в метро, нет близких? Может, они погибли от рук русских? Или он фанатично предан идеям какой-нибудь религиозной секты?

Дорогин проиграл различные варианты. И наиболее правдоподобным показался вариант «испорченного телефона». То есть должна где-то существовать лаборатория, где проводятся эксперименты с новыми видами биологического оружия. Вполне возможно, она находится на Кавказе. А здесь, в Москве, появились люди или человек, готовые дать средства на осуществление каких-нибудь террористических актов. Чтобы накалить обстановку, попугать. Чтобы люди вспомнили, что раньше жилось спокойнее, чтобы вспомнили о старой власти, о ком-то из бывших вспомнили.

В общем, джинн был выпущен из бутылки. Теперь нужно срочно искать и его, и бутылку, из которой его выпустили. И нужно быть готовым к тому, что кто-то из участников всей этой страшной истории окажется ненормальным, а значит, его следующий ход и вообще дальнейшее развитие событий предугадать будет невозможно. Игру, если это можно назвать игрой, придется вести вслепую. Хотя... и тут интуиция дала Дорогину отличную подсказку. Он как раз подошел к своему подъезду и взглянул на балкон, где разговаривала с парнем, хозяином забытого сутки назад рюкзака, девушка по имени Настя.

Удивительно, но Дорогин почему-то запомнил ее имя. В этот дом он переехал недавно. И жильцов знал еще плохо. Да и, в общем-то, он никогда особо не интересовался жизнью соседей. Хотя его профессиональная память всегда фиксировала особо важные моменты. Ему предстояло во что бы то ни стало познакомиться и с этой Настей, и с ее другом, у которого в рюкзаке была банка с летучим муравьем или летучими муравьями. Ведь кто знает, как они размножаются. Это могла быть самка, несущая яйца. Из яиц могли произрасти новые насеко-

мые. В вагоне метро вполне могла оказаться именно та банка. Хотя тот парень мало был похож на террориста, скорее на рассеянного студента-«ботаника».

Глава 7

Еще раз взглянув на балкон, Дорогин, не заходя к себе в квартиру, поднялся на нужный этаж и позвонил в двери. Он почувствовал, что его долго и внимательно разглядывают в глазок. Затем двери приоткрылись, и в образовавшуюся над сдерживающей створку цепочкой осторожно выглянула пожилая миловидная женщина.

Заходя в подъезд, Муму обычно здоровался всегда и со всеми. И женщина, очевидно, вспомнила его и узнала. Но, ожидая объяснения, двери не отворила.

– День добрый, – поприветствовал ее Дорогин и добавил: – Я ваш сосед, мне срочно нужно поговорить с вашей дочерью Настей.

– А Насти нет, – не снимая цепочки, ответила женщина, – она на практику уехала, со своим руководителем.

– А куда, не знаете? – спросил Дорогин, надеясь разыскать девушку.

– Куда-то на Кавказ, – ответила женщина.

– На Кавказ?! – удивился Дорогин.

– Ну да, на Кавказ, – пожала плечами женщина, – но куда точно, я не знаю. Настя говорит, что только там водятся какие-то мошки, которыми она занимается.

– Мошки, то есть насекомые? – уточнил Дорогин.

– Да, какие-то комары или муравьи... Она на биофаке учится. И вот занялась какими-то насекомыми.

– А когда она должна вернуться?

– Через пару недель. А вам Настя моя зачем? – уточнила женщина.

– Да мне, собственно, не столько она нужна, сколько ее друг, они, наверное, вместе учатся... Степан, кажется...

– А, Степа... Да, есть такой, он с ней в одной группе на биофаке учится, – кивнула женщина, по-прежнему не снимая цепочки.

– Он тоже с ней поехал на практику? – уточнил Дорогин.

– Нет, – покачала головой женщина. – Она с профессором своим поехала.

– С Леонидом Прокофьевичем? – вспомнив текст телеграммы, высказал предположение Муму.

– Вы знаете Леонида Прокофьевича? – оживилась женщина, вдруг сняв цепочку, и, оглянувшись, пригласила Дорогина войти.

Тот пожал плечами и зашел в квартиру.

Вновь осмотревшись, женщина поинтересовалась:

– А вы не знаете, что он за человек, этот профессор? Он женат? Вы поймите меня правильно. Настя – моя единственная дочь. Я так волнуюсь за ее будущее. А теперь, знаете, такие времена, такие нравы. Пожилых преподавателей часто тянет на молоденьких студенточек.

– Ну, я думаю, Леонида Прокофьевича с вашей Настей связывают скорее научные интересы, – проговорил Дорогин, чувствуя, что эта тема для матери Насти особенно болезненна.

– Может, пройдем на кухню, я вам чай или кофе заварю, – предложила она.

Но Муму понимал, что сейчас дорога каждая минута, и отрицательно покачал головой:

– Спасибо, я очень тороплюсь.

– Так вы ничего не сказали мне о Леониде Прокофьевиче... Что он за человек? Я сама медик. Настеньку одна растила. Без отца. Я очень боюсь, как бы ее кто не обидел. А опытные пожилые мужчины, они, знаете, как на молоденьких падки. Говорят же, седина в голову – бес в ребро...

– Не волнуйтесь. Я думаю, что Леонида Прокофьевича интересуют больше насекомые, а не девушки...

– Кто его знает... – вздохнула женщина и поинтересовалась: – А вы тоже в университете работаете?

– Да, – кивнул Дорогин.

– Так я вас попрошу, вы уж там за моей Настенькой присмотрите...

– Обязательно присмотрю... – кивнул Дорогин.

– Этот Леонид Прокофьевич женат?

– Да, да. И жена у него хорошая. И дети. Так что здесь вам нечего бояться.

– Но вы все-таки присмотрите.

– Присмотрю.

– Я вам верю. Я вижу, вы очень положительный человек. Вот вам бы я свою дочь доверила. Но вы, конечно же, женаты.

– Да, – кивнул Дорогин, – конечно.

– А вы тоже на биофаке работаете?

– Да, – кивнул Дорогин.

– А Настенька мне не говорила, что у нас в подъезде ее преподаватель живет. И что вы преподаете?

– Философию, – сразу ответил Дорогин.

– Философию... – проговорила женщина. – Ну, это серьезный, очень серьезный предмет... Там же у них на курсе, наверное, много хороших молодых ребят. Пускай бы Настенька с ними встречалась.

– Так у нее же вроде есть этот парень, Степан. Он как будто положительный. Очень даже положительный.

– Степа? – пожала плечами Настина мама. – Степа – это так. Он не москвич.

– А что, вы для своей дочки обязательно москвича хотите?

– Ну, москвича не москвича, а уж кого-нибудь побогаче...

– А может, он станет талантливым ученым. Может, он в будущем Нобелевскую премию получит...

– Этот получит... – покачала головой женщина.

– Вы не подскажете, как это его фамилия?.. – проговорил Дорогин.

– Какой вы странный... Имя помните, а фамилию запомнили...

– Выпала из головы...

– Кажется, Рыбин... Да, точно, Рыбин...

– Может, и телефон у вас его есть? – опять попытался уйти от вопросов Муму.

– А зачем вам Степин телефон? – насторожилась женщина. – Вы что, в деканате узнать не могли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.